

THE HORUS HERESY

Chris Wraight

BROTHERHOOD OF THE STORM

The Khan rides to war

Annotation

Это легендарная эпоха. Галактика объята пламенем. Великий замысел Императора относительно человечества разрушен. Его любимый сын Хорус отвернулся от света отца и принял Хаос. Его армии, могучие и грозные костические десантники, втянуты в жестокую гражданскую войну. некогда эти совершенные воители сражались плечом к плечу как братья, защищая галактику и возвращая человечество к свету Императора. Теперь же они разделились. Некоторые из них хранят верность Императору, другие же прикнули к Магистру Войны. Среди них возвышаются командиры многотысячных Легионов -- примархи. Величественные сверхчеловеческие существа, они -- венец творения генетической науки Императора. Победа какой-либо из вступивших в битву групп с другой стороны не очевидна. Планеты пылают. На Утстваане V Хорус нанес жестокий удар, и

три лояльных Легиона оказались практически уничтожены. Началась война противоборство, огонь которого охватит все человечество. На место чести и благородства пришли предательство и измена. В тених крадутся убийцы. Собираются армии. Каждый должен выбрать одну из сторон или же умереть. Хорус готовит свою армаду. Целью его гнева является сама Терра. Восседающая на Золотом Троне, Император ожидает возвращения сбившегося с пути сына. Однако его подлинный враг — Хаос, изначальная сила, которая желает подчинить человечество своим непредсказуемым прихотям. Жестокому стеху Темных Богов отзываются вопли невинных и мольбы праведных. Если Император потерпит неудачу и война будет проиграна, всех ждет страдание и проклятие.

Эра знания и просвещения окончена. Наступила Эпоха Тьмы.

- I. ШИБАН
- II. ИЛЬЯ РАВАЛЛИОН
- III. ТАРГУТАЙ ЕСҮГЭЙ
- IV. ШИБАН
- V. ТАРГУТАЙ ЕСҮГЭЙ
- VI. ИЛЬЯ РАВАЛЛИОН
- VII. ШИБАН

Действующие лица

Примархи

Джагатай-хан --- примарх Белых
Шрамов

Гор Лүперкаль --- примарх Лүнных
Волков

V Легион Белые Шрамы

Шибан-хан --- братство Бүри

Торгүн-хан --- братство Лүны

Таргүтай Есүгэй --- провидец бүри

Имперские персонажи

Илья Раваллион --- Департамент

Муниторүм

Хериол Мурт --- Департамент

Муниторүм

Д. ШИЗАН

Даже сейчас я помню многое из того, что он сказал, но мы учились быстрее на примерах, чем со слов. Именно эта особенность была нашей сущностью — мы смотрели, и мы действовали.

Мы наслаждались скоростью. Возможно, мы зашли слишком далеко, слишком быстро, но я ни о чем не жалею. Мы хранили верность своей природе, и она спасла нас в последнем испытании.

Я многое помню о нем с того времени, когда наши инстинкты были прощальными. Некоторые полученные уроки, самые ценные из них, до сих пор помогают мне.

Из всего, что он сказал или якобы говорил, только одно потрясло меня. Он сказал: «Стейся, когда убиваешь».

Если бы нам был нужен девиз, если кто-нибудь спросил, что делает нас теми, кто мы есть, тогда я бы ответил именно этой фразой.

Никто никогда не спрашивал. К тому времени, как нас угосудились разыскать,

все уже изменилось. Мы вдруг стали нужны, но времени подумать «почему» не было.

Я последовал его совету: убивая, στεялся. Леганой ветер трепал мои волосы, и я чувствовал горячую кровь на своей коже. Я мчался далеко и быстро, подстегивая своих братьев, чтобы они не отставали. Я был подобен беркуту, охотничьему орлу, свободному от пут, парящему в восходящем потоке высоко над горизонтом.

Вот кем мы были тогда — Минган Касурга, братством Бүри.

Это было наше имя, которое отличало нас от других.

В узком кругу нас называли «стеющимися убийцами».

Для остальной галактики мы все еще оставались неизвестными.

Мне нравился Чондакс. В отличие от покрытого корой затвердевшей лавы Фетуса и утопающего в джунглях Эпигеликона планета, давшая имя всему звездному скоплению, подходила нашему стилю войны. Ее безоблачные огромные и

высокие небеса были бледно-зеленого цвета, подобно траве рейке. Мы волнами пронесли по ней от южных пунктов высадки до экваториальной зоны. В отличие от любого другого мира, известного мне ранее и ставшего известным после, он никогда не менялся --- во все стороны простиралась белая пустыня, блестящая под мягким светом трех далеких солнц. Земля была кристаллической, как соль, и трескалась от простого нажатия рукой.

На Чондаксе ничего не росло. Мы доставляли запасы с орбиты на громоздных транспортных судах. Когда они улетали, а мы уходили, земля стыкалась над выжженными следами, разглаживая их добела.

Планета сама себя исцеляла. Наше присутствие было незначительным --- мы охотились, убивали, а затем ничего не оставалось. Даже добыча --- зеленокожие, которых мы называли хейны, другие --- оркати, кайнами или кроркати --- не оставляла следов. Мы понятия не имели, чем они питались. Мы уничтожили их

последний примитивный костический корабль несколько месяцев назад, заставив чужих высагуться на поверхность планеты. Всякий раз, как мы вычищали их грязные логова, выжигали их и превращали землю в стекло, возвращалась белая пыль.

Однажды я долго вел эскадрон на юг. Мы покрывали по триста километров до каждого заката, возвращаясь туда, где сражались с орками в жестокой семидневной битве, окрасив землю в черный цвет крови и угля.

Когда мы прошли по месту битвы, там не было ничего, кроме белой пустыни.

Я сверился с локаторами успеха. Джучи не поверил мне, сказав, что мы ошиблись. Он оскалился, разочарованный тем, что ничего не нашел. Брат надеялся, что некоторые спрятались и уцелели, и теперь были готовы к новому бою.

Я знал, что мы не ошиблись. И тогда я понял, что мы находились на планете, которой нельзя навредить, которая страхивала с себя нашу кровь и ярость и возвращалась в первоначальное состояние после нашего ухода.

Это наблюдение стало основой моей симпатии к Чондаксу. Позднее я объяснил это братьям, когда мы сидели под звездами и грели руки у костра, как делали наши отцы на Чогорисе. Братья согласились, что Чондакс — хороший мир, на котором можно вести добрую войну.

Пока я говорил, Джучи терпеливо улыбался, а Батү начал покрытой ширатами головой, но я не возражал. Мои братья знали, что у их хана поэтический характер, но это не вызывало презрения у чогорийцев, которое, я слышал, было свойственно другим Легионам.

Есүгэй однажды сказал мне, что только поэты могут быть истинными воинами. Тогда я не знал, что он имел в виду. Возможно, лично меня, а может и нет. От забьин аргы не требуют объяснений.

Но я знал, что когда наши души согреются и очистятся кровопролитием, и мы уйдем, Чондакс забудет о нас. Мы грелись у огня, топливо для которого, как и все остальное, было доставлено транспортными кораблями. У костер,

который на рассвете мы по старому обычаю не будем заливать водой или затанцовывать, не оставит следов.

Я нашел это обнадеживающим.

* * *

Мы снова направились на север. Постоянно в движении, постоянно в поиске. Вот что мы любили, если же нам приходилось долго оставаться на одном месте, то мы быстро теряли задор.

Я отправился со своим братством в степи — пятьсот безупречных воинов в доспехах цвета слоновой кости с красной кантовкой. Наши гравциклы вспахивали землю под собой, оставляя позади борозды. Мы управляли ими вызывающе, зная, что никто не сможет так же справиться с их грозной мощью. Когда взошло третье солнце, от чего пустое небо стало светиться, наши покрытые письменами знамена засверкали, а оружие заблестело. Мы мчались как кометы, растянувшись по

тени серебристыми клиньями и издавая крики восторга и торжества.

С восходом третьего солнца на Чондаксе исчезли тени. Мы все видели в резких тонах. Смотрели друг на друга и замечали детали, на которые прежде не обращали внимания. Увидели цвет наших смуглых лиц и поняли, насколько стары и как долго участвует в войнах, и удивлялись тому, что чувствовали себя более дикими и энергичными, чем во времена детства.

На седьмой день, когда солнца находились в зените, мы заметили на горизонте орков. Они тоже направлялись на север, глинные колонны изношенных, неуклюжих бронеташин поднимали в воздух клубы копоти, которые выдавали их позицию.

Как только я увидел их, мое сердце затрепетало. Мышцы напряглись, глаза сузились, пульс участился. Я чувствовал, что пальцам не терпелось прикоснуться к глефе гуань дао. Благословенное оружие — двухметровое металлическое древко, одно изогнутое лезвие, творение мастера

ближнего боя — не пило крови уже много дней. Дух гуань дао страстно желал отведать ее снова, и я не собирался разочаровывать его.

— Добыча! — заревел я, чувствуя, как по лицу хлещет жесткий холодный ветер. Я поднялся в седле, позволив гравциклу вильнуть, и встоптрелся в ослепительный блеск горизонта.

Зеленокожие не приняли боя. Они продолжали двигаться испускающими дымы колоннами так быстро, как могли.

Когда он только привел нас на Чондакс, хейны сражались с нами, бросались на нас толпами, рева и брызжа слюной из терзких пастей.

Но не сейчас. Мы сломали их дух, преследовали их по планете, уничтожали, гнали, вырезали. Мы знали, что они где-то собирались, пытаясь организовать массированную оборону, но даже они, должно быть, чувствовали, что конец близок.

Я не испытывал к ним ненависти. В те дни я не понимал, что значит ненавидеть врага. Я знал, какими

сильными, умными, находчивыми они были, и уважал это. В начале кампании они убили многих моих братьев. Мы вместе учились, изучали слабости друг друга, учились сражаться в мире, который ничего нам не давал и был безразличен к нашей войне. Когда они хотели, то могли быстро передвигаться. Не так быстро, как мы — никто не мог сравниться с нами в скорости — но они были хитрыми, изобретательными, храбрыми и свирепыми.

Возможно это было сентиментально, но я считал, что они тоже не испытывали к нам ненависти. Они ненавидели поражения, и это подтачивало их дух и притупляло мечи, но они не испытывали к нам ненависти.

Несколько лет назад на Улланоре ситуация была иной. Они почти разбили нас, обрушились на нас бесконечной, бесформенной зеленой волной, стиная любую оборону, опьяненные силой, необузданные благодаря своему великоленному методу ведения войны. В конце концов Гор остановил их. Гор и он

сражались там — я видел их собственными глазами, пусть даже издалека. Там ситуация изменилась, там был сломан хребет зверя. На Чондаксе были только остатки, последние осколки империи, которая остелелась бросить нам вызов и почти побегула.

Поэтому я не испытывал ненависти к уцелевшим. Иногда я представлял, что почувствую, если мы столкнемся с врагом, которого не сможешь разбить, когда затягивается петля и не остается другого выхода, кроме как отступить, с каждым боем все больше слабея, видя, как медленно теряют силы те, кто рядом с тобой.

Я надеялся и верил, что буду поступать так, как они, и продолжать биться.

Мне не нужно было отдавать приказы братьям — мы проделывали подобное много раз. Разогнавшись до максимальной скорости, мы стали охватывать разломанным строем оба фланга конвоя.

Это зрелище заставляло кровь кипеть, а сердце петь: пятьсот блестящих гравциклов, тчащихся

эскадронами по двадцать машин в строю «клином», их двигатели оглушительно ревут, а всадники воят. Великоленные в своих белых, золотых и красных цветах, мы рассыпались по ослепительному песку, выбрасывая за собой вихри пыли.

До этого момента мы шли на крейсерской скорости, сближаясь на дистанцию ведения огня. Теперь же мы мчались на полном газу, глинные волосы развевались за наплечниками, а клинки сверкали в свете солнц.

Мы нацелились на вражеские машины, большие, громоздкие, на полугусеничном или колесном ходу, которые раскачивались и тряслись, когда зеленокожие выжимали из пылящих двигателей все до последнего. Из отверстий в бронеобшивке вырывались клубы дыма. Я видел орков, сидевших на оружейных постах, разворачивающихся, чтобы прицелиться в нас из сделанных на скорую руку ракетных установок и излучателей с почерневшими стволами.

Я видел их оскаленные клыкастые пасти, они что-то кричали нам. Все, что

я слышал — грохочущий рев гравициклов, порывы ветра, хриплый рык двигателей ксеносов.

На наших гравициклах были установлены тяжелые болтеры, но они молчали. Никто из нас не стрелял, мы приблизились, отвернув только перед входом в зону поражения вражеских орудий, наблюдая и просчитывая заходы на цель. Мы искали уязвимые места, с которых начнем атаку.

Эргэни выбрал неправильный угол и слишком сблизился. Я повернулся в седле и увидел, как выпущенная из полугусеничной машины зеленокожих и сильно вращающаяся ракета попала ему в грудь. Взрывом его выбросило из седла. Прежде чем потерять его из виду, я заметил, что он упал на землю, подпрыгивая и кувыркаясь в тяжелом доспехе.

Я принял это к сведению, и если Эргэни выживет, он будет наказан.

Затем мы приступили к работе.

Наши машины атаковали, сближаясь, петляя и кружа в урагане огня. Мы открыли огонь из тяжелых болтеров, чей

яростный рев ненадолго заглушил грохот двигателей, и врезались в конвой, проносясь мимо раскачивающихся полугусеничных машин, оставляя за собой опустошение.

Я возглавлял клин, давя из всех сил на газ, изрыгая свою дикую боевую ярость, уклоняясь от вражеских снарядов и ракет, чувствуя вибрирующую отдачу болтера, истребляющего все передо мной.

Я растворился в энергии битвы. Солнца были в зените, мы рубились в неистовом ближнем бою, а легяной ветер обдувал наши доспехи. Я никогда не хотел ничего иного.

Конвой рассыпался. Первой поддалась броня медленных машин, они раскачивались и вставали на дыбы от взрывов. Чудовищные машины получали попадания в тягачи и переворачивались через нос. Прицелы подпрыгивали, опрокидывались и кувыркались. Металлические обломки выбрасывались силой внутренних взрывов на большую высоту. Гравициклы проносились мимо, как летящие сквозь побоище коня.

Пристав в седле, я приблизился к

выбранной жертве, направляя мчащуюся машину ногами и одновременно вытягивая глефу из креплений на спине.

Мои девятнадцать братьев минган-кешика были рядом, атакуя по той же траектории. Мы вертелись и мчались сквозь густой град энергетических разрядов и снарядов. Со мной был Джучи, Батү, Джамьянз и другие, принашившие к своим машинам, их кровь кипела, а глаза горели восторгом.

Моя добыча находилась в центре конвоя — огромная, восьмиколесная, увенчанная платформой с орудиями и гранатометами на вертлюге. Площадка была установлена на выглядевшей шаткой навесной системе, вокруг которой зелеными и красными пятнами были подвешены толстые плиты трофейной брони. На платформе толпилось множество орков: одни с личным оружием, другие управляли установленным на машине вооружением. Две большие дымовые трубы в корме извергали дым, а вся конструкция подпрыгивала и раскачивалась, разваливаясь вместе с

остальным гибнущим конвоем.

Они не были ни глупыми, ни медленными. Ураган шипящих лучей встретился к нам, проносясь мимо и вспахивая землю под нами. Я получил попадание в наплечник и сильно развернулся влево, позади меня дугой гравитационный цикл накренился и врезался в землю в облаке пламени и обломков.

Я прыгнул в последний момент, подброшенный вверх силовым доспехом, и приземлился точно на платформу. Пролобив ограждение, я опустился на наклонную поверхность, и крутанул гуаньдао кровавой дугой. Расщепляющее поле пылало, оставляя серебристые мерцающие полосы в воздухе. Я гордился своим мастерством владения глефой. Она плясала в моих руках, вращаясь и пронзая, сбрасывая тела орков с платформы. Я пробился через их толпу, ломая кость и разрубая доспехи. Ошеломленные и орущие орки отлетали от меня.

Я заревел от удовольствия, мои руки и ноги пылали, плечи накрыл фонтан сверкающей на солнце крови. Сердца

колотились, кулаки были подняты, а дух парил.

Приблизился здоровяк, его левая рука была искалечена взрывом болтерного снаряда. Он шел прямо на меня, опустив голову, сжав когти. У него был ржавый тесак, клинок крутанулся.

Гуань гао рубанула, отрезав кисть чудовища. Затем глефа нанесла обратный удар, да так быстро, что лезвие, казалось, разрезало сам воздух пятном потрескивающей энергии, и раскрыла череп орка в облаке крови и костей.

Прежде чем тело упало на настил, я уже снова двигался, рубя, кружась, прыгая, уклоняясь. Ко мне присоединились мои братья, перепрыгивая со своих гравитационных платформ. На ней едва хватало места для всех нас, мы должны были убивать быстро.

Джучи снял одного из стрелков, вонзив клинок в хребет твари и эффектно вырвав его. Батү попал в переделку, сцепившись сразу с двумя противниками, и получил сильный удар в лицо за свою ошибку. Его окровавленная челюсть была

слотана, а он балансировал на краю платформы. Снаряды барабанили по нагруднику Бату, но не смогли сбить его с ног.

Я не видел, чем закончился его бой, так как в это время сошелся с вожаком. Он тяжело шагнул ко мне, отпихнув сородича со своего пути от нетерпения вступить в схватку. Видя это, я застылся, не настилаясь, но одобряя и наслаждаясь.

У него была темная, покрытая серыми шрамами кожа. Он размахнулся, зажатый в обеих руках огромным молотом с железным обухом, и оружие зарычало подвижными лезвиями.

Я увернулся, на волосок избежав скрежещущих зубьев. Затем я снова сократил дистанцию, моя гунь грожала от яростной энергии. Я ударил дважды, срезав куски с тяжелой брони орка, но он не упал.

Зеленокожий снова размахнулся, пустив молот по убийственной дуге. Я резко нагнулся, используя уклон платформы, уходя в сторону и вниз, одновременно отводя назад злещу для

сохранения равновесия. Мы были похожи на танцоров в смертельном ритуале, раскачивающихся вперед-назад, наши движения были быстрыми, точными, интенсивными.

Орк с искаженным от легкой ярости лицом снова атаковал, вложив свою огромную силу в свистящий косой удар. Если бы он достиг цели, я бы утер нос. Чондаксе, выброшенный из движущейся платформы в пыль, со сломанной спиной и расколотым доспехом.

Но я предвидел его. Это и был наш путь войны — сделать обманный выпад, заманить, разозлить, спровоцировать ошибку, которая откроет брешь в защите. Когда молот пришел в движение, я знал, куда он направится и сколько времени у меня будет, чтобы увернуться от него.

Я прыгнул. Глефа сверкала, вращаясь в моих руках и вокруг выгнувшегося тела. Я взлетел над неуклюжим выпадом орка и направил гуань дао вниз, сжимая обеими руками.

Зверь ошеломленно посмотрел вверх и увидел, как мой сверкающий на солнце

клинок погружается в его череп. Я почувствовал, как рассекается кожа и раскалывается череп, превращаясь в кровавую пену опускающимся энергетическим полем.

Я с лязгом приземлился на настил, вырвал глефу и крутанул ее вокруг, разбрызгивая запекшуюся кровь. Изуродованные останки вожака рухнули рядом со мной. На секунду я застыл над ним, в руке гудела гуань дао. Со всех сторон доносились боевые крики моих братьев и предсмертные вопли нашей добычи.

Воздух наполняли крики, рев, скрежет и треск оружия, растущие клубы горящего прометия, грубый рокот двигателей гравциклов.

Я знал, что конец наступит быстро. И не хотел, чтобы битва закончилась. Я жаждал продолжать сражаться, ощущать силу притарха, кипящую в моих мышцах.

--- За великого Хана! --- выкрикнул я, снова бросившись в бой, страхнув кровь с оружия и выискивая новых врагов. --- За Казана!

И вокруг меня мои братья, мои возлюбленные братья тингана, повторили клич, погрузившись в свой древний дикий мир ярости, удовольствия и скорости.

* * *

Мы не ушли, пока не убили их всех. После того как закончилась последняя схватка, мы прочесали поле битвы с короткими клинками, добывая тех ксеносов, что еще дышали. Покончив с этим, мы облили машины их же топливом и подожгли. Когда огонь потух, мы еще раз прошлись по останкам с огнеметами и плазменным оружием, распыляя все, что было больше человеческого кулака.

Нельзя быть слишком осторожным. Зеленокожие отлично умели восстанавливаться, даже после, казалось бы, полного истребления.

Иногда, в прошлом, мы не были осторожными. Осторожность не присуща нам, и за это приходилось

расплачиваться. Мы старались учиться, совершенствоваться, помнить, что война заключается не только в славной погоне.

К тому моменту, как мы ушли, направившись на север, принесенная ветром земля уже начала засыпать разрушающиеся на глазах курганы из обугленного металла. Ничего не осталось, ничто не уцелело. Это было похоже на сон. Или же это мы были сном, скользящим по пустой поверхности безразличного мира.

Мы оставили четырех братьев: Мингана, включая Эргэни, который избежал наказания из-за того, что его грудь была вскрыта. Мы не сожгли их. Сангджай, наш элчи, извлек их геносетя и снял доспехи с тел. Затем оставил их, обнаженными солнцу и ветру, а мы забрали с собой их мотоциклы и снаряжение.

На Чогорисе мы соблюдали подобные обычаи, чтобы у зверей Алтака было какое-то пропитание, когда всходили луны. Мы никогда не были расточительным народом. На Чондаксе не было живых существ, кроме нас и хейнов, но обычай последовал за нами к звездам, и мы

никогда не меняли его.

Мы старались учиться, совершенствоваться, но кое-что сохранили. Нашу суть, качества, которые выделяли нас и заставляли гордиться, мы несли с родного мира и хранили, защищали, как пламя свечи в своей ладони. Тогда я думал, что все в Легионе чувствовали то же самое. Однако я многого не знал.

День спустя мы добрались до точки пополнения запасов.

Да, мы издалека заметили массивные грузовые корабли, которые поднимались и спускались непрерывной чередой. Они были огромными. Каждый нес сотни тонн провизии, боеприпасов, запасных частей, медикаментов — все, что необходимо для обеспечения охоты мобильной армии. В ходе кампании на Чондаксе мы постоянно нуждались в них, курсирующих между транспортными судами на орбите и опорными пунктами на земле.

— Скоро они нам будут не нужны, — сказал я Джучи, когда мы проехали мимо спускающегося лифтера. Вытянутый левиафан висел в воздухе на мерцающих

стрях из посадочных двигателей.

--- Будут и другие битвы, --- ответил он.

--- Не вечно, --- возразил я.

Мы пронесли мимо посадочных зон, а когда добрались до основного комплекса базы, над горизонтом все еще висело огненное солнце, огненно-оранжевый шар на темно-зеленом небе. Тени на светлой земле накрыли нас теплыми пятнами.

Станция снабжения всегда была временной, ее сооружали из сборных элементов, которые вернут на флот, когда необходимость в ней на Чондаксе исчезнет. Только оборонительные башни базы, возвышающиеся над внешними стенами и оцетинившиеся оружием, выглядели солидно, и, когда придет момент, потребуются немало времени для демонтажа. Белая пыль накатывалась на стены гладкими дюнами, разрушая рокиты и металл. Планета ненавидела постройки, которые мы возвели на ней. Она разрушала их, взрызалась в них, пытаясь стряхнуть участницы постоянства, которые мы вбили в ее вечно меняющуюся шкуру.

Как только гравциклы оказались в бронированных ангарах, я отдал приказ братьям отправиться в казармы и воспользоваться короткой передышкой. Они обрадовались этому, их выносливость была потрясающей, но не беспредельной, а мы провели на охоте долгое время.

Я отправился на поиски командующего базой. Даже с наступлением ночи пыльные улицы временного поселения были оживленными — грузчики сновали между складами, загроможденными снаряжением и контейнерами с провизией, сервиторы бегали из мастерских в арсеналы, солдаты вспомогательных частей в цветах V Легиона уважительно кланялись, когда я проходил мимо них.

Я нашел командующего в рокитовом бункере в центре базы. Как и все остальные смертные, он носил защитное одеяние и противогаз — атмосфера Чондакса была слишком разреженной и холодной для обычных людей. Только мы и орки были приспособлены к ней.

— Командующий, — произнес я, пригнувшись при входе в его кабинет.

Он поднялся из-за стола, неловко поклонившись, защитный костюм стеснял движения.

--- Хан, --- невнятно ответил он через ротовую решетку шлема.

--- Есть новые приказы? --- спросил я.

--- Да, лорд, --- ответил он, вручив мне инфопланишет. --- Сроки наступления сокращены.

Я взглянул на переданный инфопланишет. На экране светился текст, наложенный на карту района боевых действий. Символы, обозначающие вражеские силы, соединились и теперь отступали к одной точке на северо-востоке. Их преследовали символы братств V Легиона, приближаясь со всех направлений. Я с удовольствием отметил, что мой минган был на передовой окружения.

--- Он примет участие? --- спросил я.

--- Лорд?

Я наградил командующего тяжелым взглядом.

--- А, --- произнес он, поняв, кого я имею в виду. --- Я не знаю. У меня нет данных о

этого местонахождении. Кешик не делится
ими.

Я кивнул. Этого следовало ожидать.
Только мое жгучее желание снова увидеть
его в бою --- в этот раз вблизи --- заставило
меня спросить.

--- Мы выступим, как только
стожем, --- сказал я ему, улыбнувшись,
чтобы стянуть свою чересчур резкую
манеру общения с ним. --- Если хорошо
постарается, то, возможно, будем первыми
после него.

--- Возможно, --- ответил он. --- Но не
одни. Вы должны объединиться с другими
братством.

Я поднял брови. На протяжении всей
кампании на Чондаксе мы действовали
самостоятельно. Иногда мы целыми
месяцами двигались по бесконечным
равнинам, без пополнения запасов и не
имея направления, полагаясь только на
собственные ресурсы. Я наслаждался этой
свободой, мы все наслаждались.

--- Запечатанные приказы ждут вас, ---
сказал командующий. --- Многие братства
объединяют для последнего штурма.

--- Ну и с кем мы будем? --- спросил я.

--- У меня нет информации на этот счет. Только координаты места встречи. Простите меня, у нас много дел, а некоторой информации от флотского командования... не достаёт подробностей.

Я верил этому, и поэтому не стал обвинять командующего. Я криво устехнулся, и он немного расслабился.

Мы не были осторожным народом и мало обращали внимания на детали.

--- Тогда, надеюсь, их хан успеет молчать, --- все, что я сказал. --- Ему придется, чтобы поспеть за нами.

* * *

Это случилось незадолго до нашей встречи.

Наше отдохнувшее братство беспрепятственно двигалось на северо-восток. Многие гравциклы были заменены и отремонтированы оружейными сервиторами, и звук их двигателей стал

чище, чем был. Мы всегда гордились своим внешним видом, а короткая передышка в операциях позволила соскрести немало грязи с доспехов, от чего они стали блестять под светом трех солнц.

Я знал, что мои братья непоседливы. Но мере того, как долгие километры исчезали за нами в блеске белого песка и бледно-изумрудного неба, они все больше становились нетерпеливыми и беспокойными, выискивая признаки добычи на пустом горизонте.

— Что ты будешь делать, когда убьешь их всех? — спросил Джучи на ходу. Он небрежно управлял своим гравциклом, позволяя ему рыскать и подпрыгивать на встречном ветру, словно тот был живым. — Что потом?

Я пожал плечами. Мне почему-то не хотелось говорить об этом.

— Мы никогда не убьем их всех, — сказал Бату, его лицо все еще было багровым от ушибов после боя на платформе. — Если они закончатся, я лично разведу новых.

Джучи застонал, но в звуке

присутствовала некоторая
напряженность, слабый нарек на то, что
Бату перестарался.

Они не стали развивать эту тему, но
все мы понимали, что она присутствует в
наших шутках и предположениях. Мы не
знали, что ждет нас после окончания
крестового похода.

Он никогда не говорил нам о своих
планах. Возможно, наедине со своим
советом он делился теми же тайными
опасениями, хотя мне было трудно
представить его неуверенным или
опасающимся чего-то. Какое бы будущее не
ждало нас после окончания войны, я знал,
что он найдет для нас место в нем, как
всегда и делал.

Возможно, Чондакс повлиял на нас. Он
заставлял нас иногда чувствовать себя
недолговечными и мимолетными, вызывая
ощущение, что у нас нет больше корней,
что прежняя уверенность была странным
образом утрачена.

--- Вижь! --- закричал Хаси, ехавший
впереди. Он встал в седле, за спиной
развевались глинные волосы. --- Там!

Затем и я увидел — белое облако пыли на фоне неба, которое указывало на машины, движущиеся с большой скоростью. Это явно были не зеленокожие, столб пыли был слишком светлым, слишком отчетливым, и слишком быстро перемещался.

Неожиданно я ощутил дрожь беспокойства и быстро подавил ее. Я знал, чем это вызвано — гордость и нежелание делиться командованием, негодование от того, что мне будут приказывать.

— Давайте посмотрим, кто они такие, — сказал я, скорректировав курс и направившись в сторону столба пыли. Я увидел, что они замедлились и развернулись, чтобы встретить нас. — Братство без имени.

Я спешил, чтобы поприветствовать своего коллегу. Он сделал то же самое. Выстроившись друг напротив друга, наши воины ждали на некотором расстоянии позади, не слезая с работающих на холостом ходу машин. В его отряде была приблизительно та же численность — пятьсот машин.

Он был немного выше меня. Кожа на бритой голове была бледной, челюсть --- квадратной, а шея --- мускулистой. Волосы были коротко подстрижены. Длинный ритуальный шрам на левой щеке был отчетливым, указывая на то, что разрез был сделан в ранней молодости. У него были мягкие черты, не резкие и стуглые, к которым я привык.

Значит, он терранец. Большинство чогорисийцев были похожи друг на друга: стуглая кожа, глинные иссиня-черные волосы, гибкие тела, увитые мышцами, которые еще больше увеличились после имплантаций. Это единообразие, как мы узнали, пришло от наших забытых предков-колонистов. Легионеры-терранцы, покинувшие колыбель нашего рода задолго до прибытия крестового похода к нам, имели гораздо больше различий: у некоторых кожа была цвета обуглившейся дровесины, у других такая же светлая, как наши госнехи.

--- Хан, --- произнес он, поклонившись.

--- Хан, --- ответил я.

--- Я Торгун, --- сказал он на хорчине.

Это не удивило меня, это был язык Легиона сто двадцать лет, с тех пор как Повелитель человечества явил себя нам. Терранцы всегда быстро учили его, стремясь походить на вновь обретенного примарха. Они поняли, что им говорить на нашем языке легче, чем нам на готике. Я не знал, почему так было.

--- Я Шибан, --- сказал я, --- из Братства Бүри. --- А ты из какого?

Торгүн помедлил мгновенье, словно я задал невежливый или странный вопрос.

--- Из Братства Лүны, --- ответил он.

--- Какой лүны? --- спросил я, поскольку он использовал неточный термин из хорчина.

--- У Терры только одна Лүна, --- пояснил он.

«Ну конечно», --- подумал я, мысленно выругавшись. Я снова поклонился, желая убедиться, что в наших отношениях присутствует уважение, в независимости от различий.

--- В таком случае для меня будет честью сражаться вместе с тобой, Торгүн-хан, --- сказал я.

— Как и для меня, Шибан-хан, —
ответил он.

Это случилось вскоре после выступления. Наши братства двигались рядом друг с другом, оставаясь в тех построениях, которые приняли до встречи. Мои воины построились клиньями, его — разомкнутым строем. За исключением этого, мы не сильно отличались друг от друга.

Мне нравилось думать, что я с самого начала заметил небольшие несоответствия — едва различимую манеру, с которой они управляли гравициклами или держались в седле, но, по правде говоря, я не был в этом уверен. Они были такими же утелыми, как и мы, и выглядели столь же смертоносными.

По моему предложению наши минган-кешики стесались. Я решил, что мы должны немного узнать друг друга, прежде чем пойдем в бой. Мы разговаривали друг с другом, отключив воксы, и наслаждались силой своих голосов, перекрикивая рокот двигателей. Для меня это было естественно, но Торгун, похоже, сначала

чувствовал себя неловко.

В то время как под нами проносились равнины, а мощная обратная тяга наших двигателей поднимала облака белой пыли, мы постепенно начали разговаривать.

--- Ты был на Улланоре? --- спросил я.

Торгун сухо улыбнулся и покачал головой. К этому времени Улланор уже стал знаком почета для Легиона. Если тебя там не было, должна была быть веская причина.

--- На Кхелле, приводили к согласию, --- сказал он, --- но до этого мы были прикомандированы к Лунным Волкам, так что я видел, как они сражаются.

--- Лунные Волки, --- сказал я, понимающе кивнув. --- Отличные воины.

--- Мы многое узнали от них, --- сказал Торгун. --- У Волков интересные представления о войне, которым нам бы следовало поучиться. Я стал приверженцем системы командирования --- части Легионов слишком разбросаны. В частности нашего.

Я был удивлен его словам, но постарался не показывать виду. С моей

точки зрения, он смотрел на ситуацию не с того конца -- если кто и был виноват в изоляции V Легиона, так это те, кто стояли над нами и доводили нас до предела. Почему еще мы находились на Чондаксе, преследуя выживших из империи, которая давно перестала быть угрозой крестовому походу? Взялись бы за эту работу Лунные Волки, или Ультрагесантники, или Кровавые Ангелы?

Но ничего этого я не сказал.

-- Уверен, ты прав, -- произнес я.

В ответ Торгун приблизился, сократив расстояние между нашими машинами до метра.

-- Когда ты спросил меня о нашем имени, я затешился, -- сказал он.

-- Я не обратил внимания.

-- Прошу за это прощения. Это было невежливо. Просто... прошло много времени с тех пор, как мы пользовались этим именем. Ты ведь знаешь, каково это -- все наши братства провели много времени отдельно друг от друга.

Я беспокойно посмотрел на него, не совсем понимая, о чем он говорит.

--- Не было никакой грубости.

--- Мои люди редко называют меня ханом. Большинство предпочитает «капитан». Мы привыкли быть 64-й ротой Белых Шрамов. Применение этих терминов помогает, большинство Легионов тоже их использует. Я на минуту забыл старое наименование. Вот и все.

Я не знал, верить ли ему.

--- Почему 64-я? --- спросил я.

--- Нам дали этот номер.

Я больше не задавал вопросов и не спрашивал, кто выбрал и почему. Возможно, мне следовало, но подобные вещи меня никогда по-настоящему не интересовали. Меня полностью поглотили практические аспекты войны, ее текущие вопросы.

--- Называй себя, как хочешь, --- сказал я, улыбаясь, --- лишь бы ты убивал хейнов. Это все, что его волнует.

Похоже, Торгуна успокоил мой ответ, словно какая-то проблема, о разглашении которой он беспокоился, оказалась незначительной.

--- Так как, он будет с нами? ---
спросил он. --- В конце?

Я отвернулся от Торгуна и
посмотрел на горизонт. Он был чист ---
ровная линия яркой, холодной пустоты. Но
где-то они собирались против нас, чтобы
дать последнюю битву за мир, который
уже утратили.

--- Я на это надеюсь, --- убежденно
сказал я. --- Я надеюсь, он там.

Затем я украдкой взглянул на
Торгуна, вдруг забеспокоившись, что он
пренебрежительно отнесется к моим
словам, почитает их стешными.

--- Но никогда нельзя сказать
наверняка, --- сказал я слегка небрежно. ---
Он не уловит. Так говорят.

Я снова улыбнулся, в этот раз самому
себе.

--- Не уловит. Как беркут. Вот, что
все говорят.

У. ИЛЪА РАВАЛЛУОН

Впервые я увидела Улланор с жилой палубы флотского транспортника «Избранный ХХХ». С момента окончания боевых действий прошло всего три стандартных месяца, и околопланетный космос все еще кишел боевыми кораблями. Мы стремительно прошли сквозь строй этих огромных зависших гигантов, и иллюминаторы заполнило темное очертание поверхности планеты.

Было странно наконец увидеть ее собственными глазами. Долгое время Улланор занимал все мои мысли. Я могла без запинки назвать статистические данные: сколько перевезли миллиардов людей и на скольких миллионах транспортных судов, какое количество контейнеров сырья спустили на планету и на каком количестве грузовых транспортеров, какие потери понесены (фактически) и сколько ксеносов убито

(приблизительно). Мне были известны данные, которые почти никто другой в Армии не знал, абсолютно бесполезные, например сорт пластали, используемой для изготовления стандартных продовольственных контейнеров, и первостепенной важности, такие как время, необходимое для их доставки на фронт.

Некоторые из этих сведений навсегда останутся в моей памяти. Я догадывалась, что другие люди сожалели о том, что не могут заполнить информацию. Я же сожалела, что не могла забыть ее.

В молодости я считала свои эйгетические способности проклятием. Как оказалось, их высоко ценила Имперская Армия. Благодаря им я дослужилась до генеральского звания и таким образом стала одной из многих серых, безымянных, невоспетых винтиков военной машины. После окончания сражений нас не очень то и хвалили, и не мало ругали взвинченные полевые командиры, когда бои были в разгаре, но если бы не было нас, то не праздновали бы и победы. Война не

начиналась просто так, по прихоти воинов — она планировалась, организовывалась, снабжалась ресурсами и становилась возможной благодаря транспортному обеспечению.

Некоторое время мы назывались Корпусом логистиков, затем отделением во флотской администрации, потом недолго были подконтрольны людям Малкадора. Только незадолго до назначения магистра войны нас выделили в отдельный Департамент со всеми причитающимися бюрократическими привилегиями.

Департамент Муниторум. Строгое название для необходимой работы.

Конечно же, допускались ошибки. Неразбериха с планетарными координатами, нестандартное снаряжение для Легионов. Некоторое время у нас даже были два экспедиционных флота, действующих с одинаковыми цифровыми обозначениями в противоположных концах галактики.

Я попыталась расслабиться в своем тесном кресле, чувствуя тряску из-за входа

в атмосферу. Не испытывая особого удовольствия от того, что меня ждало сразу после высадки, я постаралась отвлечься, глядя на открывшуюся панораму.

Поверхность мира выглядела опустошенной. Над ней проносились темные тучи, рваные и беспорядочные, как спутанные клубки проволочной точалки. Землю избороздили ущелья и овраги, извиваясь по континентам, как многочисленные морщины.

Только в одном районе Улланора беспорядок был утирен. Перед отбытием я слышала от знакомых механиков рассказы о том, что они сделали с руинами крепости Уррлака, и тогда не совсем поверила им. Они любили хвастаться тем, что могли сделать с тирати, когда те попали в их аутоматические руки.

Когда я посмотрела через иллюминатор на их работу, то изменила свое мнение. Я увидела путь, проложенный триумфальной процессией, рокоитовый широк глиной в сотни километров, и попыталась оценить размеры

церемониальной площади, на которую
смотрела --- двести квадратных
километров? В два раза больше? Она
блестела под рваным покровом облаков
отполированной чернотой, колоссальная
каменная равнина, разглаженная ради
единственной цели --- предоставить
Императору достойное место для его
триумфа.

«Какая ты удивительная раса, ---
подумала я тогда. --- Какие безграничные
способности ты обрели».

Шаттл нырнул к облачному покрову.
Меня начало тошнить и я отвернулась.

Я знала, что Император давно
покинул планету. Говорили, что он
вернулся на Терру, а также, что магистр
войны, как мы должны были его называть,
был все еще на борту своего флагмана, но
не представляла, насколько он планировал
задержаться. Было бы полезно узнать, что
мы можем приступить к проработке
схемы пополнения запасов 63-й экспедиции,
но не было смысла в попытке добиться от
примарха конкретной информации,
особенно от этого примарха.

В любом случае моя миссия не имела отношения к магистру войны. Она касалась одного из его братьев, того, о ком я знала очень мало, даже понаслышке, и у которого была репутация, помимо прочего, неуловимого человека.

Мне не нравилось это слово. Мне не нравилась сама мысль о том, что придется провести много недель в ожидании встречи, а мысль получить ее мне нравилась еще меньше.

Я закрыла глаза, чувствуя, как начинает трястись корпус корабля.

Я подумала, что мы все делаем ради Императора.

* * *

Хериол Мурт выглядел усталым, словно не спал много дней. Его темно-зеленая униформа была потята, а темные круги под глазами будто навели чернилами.

Он принял меня в своем

импровизированном штабе. У него был отсутствующий, слегка стеклянный взгляд человека, которому на самом деле нужно в ближайшее время выспаться.

--- Впервые на Улланоре, генерал? --- спросил он, когда мы поднимались по лестнице в его личный кабинет.

--- Да, --- ответила я, --- и я пропустила всю войну.

Мурт устало устехнул.

--- Мы все пропустили, --- сказал он. --- И единственные, кто все еще остается на месте.

Мы вошли в комнату: скромную стальную коробку на вершине колонны из сборных административных секций (терранского происхождения, судя по отпискам на каркасе). Мы находились далеко от того места, где происходила церемония введения в должность магистратов войны, но через окна я смогла разглядеть огромные башни на горизонте. Несколько танков все еще двигались по огромной каменистой равнине, их гигантские очертания были ступно видны в плывущем облаке.

Я начала мысленно перечислять их
типы -- «Владыка Войны», «Разбойник»,
«Возмездие» -- и была вынуждена
остановиться.

-- Ну, и как вы, полковник? -- спросила
я, усаживаясь в металлическое кресло и
скрещая ноги.

Мирт сел напротив и пожал
плечами.

-- Становится легче, -- ответил
он. -- Думаю, мы можем гордиться,
учитывая все обстоятельства.

-- Согласна, -- сказал я. -- Куда вы
теперь?

Мирт улыбнулся.

-- В отставку, -- сказал он. --
Почетное увольнение на пенсию, затем
готовой на Таргеа.

-- Поздравляю. Вы заслужили это.

-- Спасибо, генерал.

Я немного завидовала Мирту. Он
выполнил свой долг и уходил вовремя. В
данный момент -- за несколько лет до
собственной отставки -- я плохо
представляла, что меня ждет впереди.
Среди командного состава Армии

ширились слухи о крупномасштабной демобилизации. В конце концов планеты, которые нужно было завоевать, заканчивались.

Такая отставка не привлекала меня. На чужих примерах я видела, какая жизнь могла быть после окончания военной службы. Я не хотела всю жизнь корпеть на диаграммах. Мысль о бесконечной работе, о службе, которая заканчивалась только со смертью, сильно угнетала меня.

— Значит, вы хотите разузнать о Белых Шратах, — сказал Мирт, откинувшись на спинку кресла.

— Мне сказали, что вы знаете больше других.

Мирт снова застелся, в этот раз цинично.

— Возможно, и так. Не слишком рассчитывайте на это.

— Расскажите, что вы знаете, — попросила я. — Все пригодится.

Мирт скрестил руки.

— Поддерживать с ними связь — это сущий кошмар, — сказал он. — Кошмар. В основном здесь были Лунные Волки, и вот

они — предел мечтаний, делают то, что собираются сделать. Они держат в курсе происходящего, у них разумные требования. Шрамы, ну, я никогда не знаю, где они и чего хотят. Когда они, наконец, появляются, они очень, очень хороши, но мне какая от этого польза? Сейчас у меня есть резервные батальоны без проговольствия и неиспользованное снаряжение на складах, разбросанных по половине сектора.

Он покачал головой.

— Они обескураживают, не слушают, не советуются. Уверен, из-за этого мы теряли людей.

Затем Мурт искоса посмотрел на меня.

— Поэтому вы здесь? — спросил он. — По этой причине хотите увидеть его?

Я сдержанно улыбнулась.

— Просто факты, пожалуйста, — сказала я.

— Извините. Из того, что я слышал, у них нет близких связей с другими Легионами. Нельзя сказать, что они враждуют, просто... этих связей нет. Они

сохранили слишком много обычаев с
Мунгус Планус.
--- Чогориса.
--- Неважно. В любом случае это
странное место. Они не пользуются
обычными званиями. Они даже не
используют обычные роты --- все эти
«ястреба» и «копья». Можете представить,
как сложно координировать их действия
хоть с кем-нибудь.

--- А что насчет примарха? ---
спросила я.

--- Я ничего не знаю. Буквально
ничего. Остальные называют его Хан, но
все капитаны Белых Шрамов зовутся
ханатами, так что это бесполезно. Я даже
не знаю, где он сражался в конце кампании.
Мне говорили, что видели его на балконе
примархов, когда здесь был Император, но
сложно получить хоть какие-нибудь
надежные сведения о том, что происходило
до этого.

Мирт улыбнулся самому себе. Он
выглядел как человек, который слишком
долго боролся с невозможными заданиями,
но скоро освободится от них.

--- И они зациклены на этикетке, ---
сказал он. --- Этикетке! Когда вы
встречаетесь с ним, позаботьтесь
выучить их титулы и употребляйте их
правильно. Они будут знать все о ваших
Если у вас есть церемониальное оружие,
они захотят узнать и о нем тоже.

У меня не было ничего ценного. Моя
жизнь слишком организована, слишком
пунктуальна, чтобы беспокоиться о
древних течах. Я подумала, стоит ли мне
попытаться найти что-нибудь подходящее.

--- Ну а что на счет провидцев бурь? ---
спросила я.

--- У них своя роль, --- ответил Мирт. ---
--- Мы просто не знаем о ней. Существуют
разные версии: что это просто библиарии,
и что они совершенно другие. Ходят слухи,
что Магнус Красный высокого мнения о
них. А может, и нет.

Он развел руками, признавая
поражение.

--- Видите? --- сказал он. --- Это
бесполезно.

--- Это провидец бури, с которым вы
мне устроили встречу, --- сказала я. --- Он

старший и пользуется доверием Хана?

--- Надеюсь, что так, --- ответил Мирт. --- Это было не просто найти, и мне пришлось просить об оказании услуги. Но не вините меня, если он не приближен к Хану, мы сделали все, что могли.

У меня не было ощущения, что я о многом узнала.

--- Уверена, что это так, полковник, --- сказала я. --- Нам придется довольствоваться тем, что есть, и надеяться на лучшее. Может, есть еще что-нибудь?

Мирт посмотрел на меня с легким скепсисом.

--- Вы можете найти внешнее сходство с Шестым Легионом, волками Фенриса, --- сказал Мирт. --- Знаете, и те, и другие варвары.

Он закатил глаза.

--- Не говорите об этом, --- предостерег он. --- Нам уже доводилось обжигаться на этом. Это их очень раздражает.

--- Почему?

--- Не знаю. Зависть? Но, я серьезно, не

говорите об этом.

--- Не буду, полковник, --- ответила я, с каждым неопределенным обрывком информации чувствуя все больше пессимизма относительно предстоящей встречи. Мне нужно больше. Больше подробностей, которые помогли бы мне. --- Спасибо. Вы были любезны.

Я взяла краулер РТ-36 «Авгиец», модель ходовой части «Эниад», и отправилась с триумфальной равнины в пустоши. Было неудобно и жарко. У воздуха был вкус песка, и я не могла не думать о вонючих спор, скрывающейся под всеми запахами.

Проводца бури было непросто найти, как и предупредил Мирт. У меня ни разу не возникло ощущение, что он делал это умышленно, просто ему было абсолютно безразлично, найдут его или нет. Пока мы ехали, приводной маяк Белого Шрама то появлялся, то исчезал, блокируемый плотными гребнями холмов. Когда, наконец, поймали устойчивый сигнал, то были уже в пути почти пять часов.

Перед высадкой я сделала все, что

смогла, чтобы выглядеть
представительно — пригладила волосы с
проседью и расправила складки на
униформе. Возможно, мне следовало
постараться получше. Я никогда не
предавала особого внимания своему
внешнему виду, возраст только усилил эту
черту.

Теперь уже поздно. Я сделала глоток
теплой воды из фляги и немного сточила
вспотевший лоб.

Провидец, должно быть, видел наше
прибытие. Даже в этом случае он не
потрудился спуститься к нам с высокой
глинной гряды, которая была слишком
крутой для краулера. Я оставила его у
подножья, впервые с момента высадки на
Улланор ступив на пыльную — настоящую —
поверхность планеты.

— Ждите меня здесь, — приказала я
экипажу краулера и вооруженной охране,
которую Мирт отправил со мной. Меня
мало волновала собственная безопасность,
но я беспокоилась, как бы ни оскорбить
костодесантника, прыгая с толпой солдат.

Затем начался подъем. Я была не в

лучшей форме, годы регистрации докладов
в хранилищах Административа не
наделили меня закаленным в боях телом, и
я никогда не забывала себе голову мыслями
об омоложивающих процедурах.

Я задумалась, как он отнесется ко
мне, когда увидит -- небольшая, суровая на
вид женщина в генеральском мундире. Я
почувствовала, что все больше потею от
усилий, а на форме снова появились
разглаженные мной складки. Для него я
буду выглядеть хрупкой, возможно, даже
смешной.

Я споткнулась, когда добралась до
вершины. Мои ноги заскользили на рыхлой
осыпи, и я зашаталась на камне. Я
вытянула правую руку, надеясь схватиться
за край гребня. Вместо камня мои пальцы
вцепились в бронированную руку. Она
крепко держала меня.

Я, вздрогнув, подняла глаза и
установилась в золотые глаза на ступенчатом
лице.

-- Генерал Улья Раваллион,
Департамент Мониторинг, -- произнес
обладатель лица, учтиво склонив голову. --

Будьте осторожны.

Я сглотнула, крепко держась за его перчатку.

--- Благодарю, --- ответила я, --- постараюсь.

Его звали Таргута́й Есүгэ́й. Он представился, как только я отряхнулась и восстановила дыхание. Мы стояли вдвоем на гребне. Сухие овраги и ущелья Улланора тянулись во все стороны лабиринтом обуглившихся обломков порога и бұлыжников. Над нами плыли темные тучи.

--- Немного-то от этого мира осталось, --- заметил он.

--- Да, теперь уже немного, --- согласилась я.

Его голос был похож на голос каждого костодесантника, которого я встречала --- низкий, звучный, приглушенный. Разносящийся из бочкообразной груди звук походил на всплески сырой нефти о стенку глубокого колодца. Я знала, что если бы провидец захотел повысить голос, тот мог быть ужасающе громким. Но тогда его голос звучал удивительно

успокаивающе среди последствий разрушения.

Белый Шрат был не выше тех, что я встречала раньше, и, даже облаченный в доспех, создавал у меня впечатление какой-то гибкости, узкого, худого тела под загоревшей от солнца кожей. Бритый череп венчал глинный чуб, который извивался у шеи. Виски были покрыты татуировками. Я не могла разобрать их значение, они были похожи на буквы незнакомого мне языка. Провидец держал посох с черепом и носил блестящий кристаллический капюшон поверх доспеха.

Среди множества ритуальных шратов выделялся широкий рваный знак, бегущий вниз по левой щеке, от глазницы и почти до подбородка. Я знала, что он значит. Долгое время этот обычай был всем, что я знала о них. Они наносили себе такие метки в момент посвящения, шраты, которые дали имя их Легиону.

Его глаза казались золотыми. Радужные оболочки были почти бронзовыми, а белки бледно-желтыми. Такого я не ожидала. Тогда я не знала --

были ли у всех Белых Шрамов такие глаза, или только у него.

--- Вы сражались на этом мире, Шья Раваллион? --- спросил он.

Он говорил на готике нескладно, с сильным, гортанным акцентом. Этого я тоже не ожидала.

--- Нет, --- ответила я.

--- Что вы здесь делаете?

--- Меня прислали добиться встречи с Ханом.

--- Знаете, как часто он соглашается на них?

--- Нет.

--- Нечасто, --- сказал он.

Когда он говорил, на его темных губах играла легкая улыбка. От каждой устешки возле глаз собирались морщинки. Похоже, он делал это часто и легко.

Но этим первым словам я не могла решить, был ли он серьезен со мной или же забавлялся. Резкий акцент затруднял попытки угадать его намерения.

--- Я надеялась, --- сказала я, --- что вы сможете помочь мне.

--- Значит, вы не хотите говорить со

тной, --- сказал он. --- Используйте меня, чтобы добраться до него.

Я решила быть честной.

--- Верно, --- ответила я.

Есүгэй тихо расстелялся. Звук был сжатым и сухим, хоть и не лишен веселья.

--- Хорошо, --- сказал он. --- Я... посредник. Вот кто такие загын арга, мы передаем слова от одного другому. Мир, вселенные, души --- почти одно и то же.

Я по-прежнему была напряжена и не могла сказать, все ли в порядке. Очень многое зависело от встречи, которую я должна была устроить, и трудно будет вернуться, ничего не добившись. Но крайней мере Есүгэй продолжал говорить, что для меня было хорошим знаком.

А пока я сосредоточилась на деталях, запоминая их. Мой мозг работал машинально, и я ничего не могла с собой поделать.

Доспех Mark II. Указывает на консерватизм? Череп на его посохе неизвестен, несомненно принадлежит чогорийской фауне. Лошадиный? Проверить позже с Миртом.

--- Если вы добьетесь встречи, ---
спросил он, --- о чем будете говорить?

Я страшилась именно этого вопроса, хотя он рано или поздно прозвучал бы.

--- Простите меня, лорд, это только для его ушей. Дело касается Пятого Легиона и Администратума.

Есүгэй огарил меня пронизательным взглядом.

--- А что вы скажете, если я прямо сейчас проникну в ваш разум и получу ответ? Не считайте, что сможете защититься.

Я напряглась. Коль скоро он сказал об этом, было понятно, что он сможет.

--- Я бы помешала вам, если смогла.

Он снова кивнул.

--- Хорошо, --- сказал он. --- Но если вас это беспокоит, то скажу, что не стал бы этого делать.

Он снова мне улыбнулся. Вопреки ожиданию, напряжение начало спадать. Было так странно стоять возле высокой, закопанной в броню, генетически улучшенной, наполненной психической энергией смертоносной машины.

Говорит на готике удивительно плохо. Причина в неудовлетворительной связи с центром? Предполагались лингвистические способности, вероятно, придется пересмотреть.

--- Я восхищаюсь вашим упорством, генерал Раваллион, --- сказал Есүгэй. --- Вы хорошо постарались, чтобы найти меня, и с самого начала вашей службы упорно трудитесь.

Что бы это значило? Я не ожидала, что он изучит меня. Но, подумав об этом, напонила себе --- я ведь считала их настоящими дикарями?

--- Мы знаем вас, --- продолжил он. --- Нам нравится то, что мы видим. Но мне интересно, насколько вы знаете нас? Вы представляете, на что идете, связываясь с Бельми Шратами?

Впервые его улыбка стала отдаленно напугивать угрозу.

--- Нет, --- ответила я. --- Но узнаю.

--- Возможно.

Он отвернулся, снова обратив взгляд на темнеющий пейзаж. Он молчал. Я едва дышала. Мы стояли бок о бок и молчали.

над нами проносились облака.

После долгой паузы Есүгэй снова заговорил.

--- Некоторые проблемы сложны, большинство --- нет, --- сказал он. --- Хан редко соглашается на встречу. Почему? Немногие просят о ней.

Он снова повернулся ко мне.

--- Посмотрим, что я смогу сделать, --- сказал он. --- Не покидайте Уланор. Если новости будут обнадеживающими, то я свяжусь с вами.

Я с трудом скрыла облегчение.

--- Благодарю.

Он окинул меня почти снисходительным взглядом.

--- Пока не благодарите, --- ответил он. --- Я только сказал, что попытаюсь.

Когда он смотрел на меня, в его золотых глазах плясало дикое веселье.

--- Они говорят, что он неуловим, --- сказал Есүгэй. --- Вам часто придется слышать это. Но послушайте: дело не в неуловимости, а в том, что он находится в центре. Где бы он ни был, это и есть центр. Будет казаться, что он разорвал

круг, что сместился к самому краю, а затем вы увидите, что это сам мир пришел к нему, а он все это время ждал его. Понимаете?

Я посмотрела ему в глаза.

— Нет, хан Таргутаи Есүгэй из задьян арга, — сказала я, продолжая говорить только правду и надеясь, что правильно произнесла титулы. — Но я научусь.

III. ТАРГУТАЙ ЕСУГЭЙ

Мне было шестнадцать лет. Но годы на Чогорисе были коротки. Если бы я родился на Терре, мне было бы двенадцать.

Уногда я думаю, что наш мир заставляет нас быстро взрослеть --- сезоны проходят стремительно, и мы с ранних лет учимся искусству выживания. На высоком Алтае погода меняется так неожиданно, от мороза до палящего зноя, что тебе необходимо быть проворным. Ты должен научиться охотиться, добывать пищу, создавать или находить укрытие, понимать запутанную, изменчивую политику наших многочисленных кланов и народов.

Но, возможно, мы росли недостаточно быстро. После того как Повелитель человечества прибыл к нам, мы обнаружили, что наши воинские качества --- наша скорость, наша доблесть --- сделали нас могучими. Мы не задумались над тем,

В чем была наша слабость. Другим предстояло указать на нее, но к тому времени было слишком поздно что-либо менять.

До Езо прихода я не знал, что существовали другие миры, населенные другими людьми с другими обычаями. Я знал только одно небо и одну землю, и оба казались бесконечными и вечными. Теперь же, увидев другие земли и сражаясь под их странными небесами, я ловил себя на мысли, что часто вспоминаю Чогорис. В моем воображении он стал меньше, но вместе с тем более дорогим. Если бы я мог, то вернулся туда. Не знаю, будет ли у меня когда-нибудь такая возможность.

Со времен моего детства прошло более столетия. Мне следовало быть мудрее и оставить в прошлом свои воспоминания, но детство невозможно забыть: ты несешь его с собой, а оно шепчет нам, напоминая о путях, которые можно было выбрать.

Мне следовало быть мудрее и не прислушиваться к ним, но я все равно поступал так. Кто не прислушивается к

голосу своих воспоминаний?

И вот я остался один и направился в горы Улаава, поднимаясь все выше. Эти горы не были высокими, не такими, как на Фенрисе или Кваллоне. Не были они такими же величественными, как могучая Хум Карта, где много лет спустя была воздвигнута наша крепость-монастырь. Улаав были древними горами, разрушенными за тысячелетия ветрами с Алтака. Летом всадник мог достигнуть вершин, ни разу не покинув седла. Зимой только беркут и призраки могли вынести царивший там холод.

Меня отправил сюда хан. В те времена мы беспрестанно воевали, груг с гругом или с киданями, а мальчик с золотыми глазами был ценной добычей для всех.

Позже я прочел хроники тех войн, написанные имперскими летописцами. Мне пришлось постараться, ведь к своему стыду я так и не выучил их язык должным образом. В Легионе у многих были те же трудности. Возможно, хорчин и готик были слишком далеки груг от груга.

чтобы мы могли легко воспринимать
второй. Возможно, по этой причине мы и
Империи всегда не понимали друг друга,
даже в самом начале.

В любом случае эти летописцы
упоминали места, о которых я никогда не
слышал, и людей, которые никогда не
жили, как например палатин Мунгуса
Плануса. Я не знаю, откуда они взяли эти
имена. Когда мы сражались с киданями,
мы называли их императора по его
титлу — каган, хан ханов. Мы понятия не
имели, каким было его родовое имя, хотя
позже я узнал о нем. Его звали Кетугу
Суго. Поскольку мы сохранили очень мало
записей о себе, эти знания скудны.
Возможно, я один из немногих оставшихся,
кто знал его, и когда я умру, его имя
исчезнет вместе со мной.

Имеет ли это значение? Имеет ли
значение, что мы сражались с человеком,
который никогда не жил на планете, о
которой я никогда не слышал? Думаю, да.
Имена важны, история важна.

Символы важны.

Я остался один, потому что так

было нужно. Хан не отправил бы такого ценного человека в горы, если бы мог помочь. Он по собственному желанию выделил для охраны людей из собственного кешика, поклявшихся защищать меня, если враг пронюхает о моей уязвимости и попытается убить.

К сожалению для хана, небесное испытание предназначалось только для одного разума. У нас, на Чогорисе, были странные и скромные боги. Они показывались только одиноким душам и только там, где земля поднималась, чтобы встретить бесконечное небо, а покров между мирами был тонким и опасным.

Поэтому, даже зная, какая опасность ждет меня, воины хана оставили меня у подножья гор, и я совершил свой путь к вершинам в одиночестве. С самого начала восхождения я не оглядывался. Воздух был уже пронизывающим, он свистел под моим кафтаном и кусал кожу. Я дрожал, прижав руки к груди и наклонив голову.

Долины гор Улаав были прекрасны. В тенистых ущельях талая вода образовала

озера зеленовато-синего цвета. На отвесных скалистых уступах темно-зеленым покрывалом, густым и блестящим, как лакированная броня, росли сосновые леса. Небо над вершинами было прозрачным, настолько ярко-синим, что больно было смотреть на него. Все здесь было суровым и чистым, заставляя двигаться, несмотря на царящий холод. Я понял, когда оказался неподалеку от вершин, почему боги остались здесь.

Потому этого я ничего не чувствовал — ни видений, ни магических сил, ни всплесков сверхъестественной силы. Единственным признаком моей уникальности были глаза, и до сих пор они не принесли мне ничего, кроме проблем. Если бы не хан, меня, вероятно, уже давно убили бы, но он распознал мой потенциал раньше меня. Он был дальновидным человеком, с собственным представлением о будущем Чогориса, которое я не мог понять в силу своей юности. Хан также осознавал, насколько полезным я мог быть для него, окажись он прав.

Я забирался все выше, следуя по

тропам, которые редко проступали и были не более чем слабыми отпечатками на шатающихся камнях. Я остановился только, когда оказался высоко на восточных уступах. Голова кружилась от раздраженного воздуха, и я видел, как далеко забрался.

Обе луны Чогориса взошли, несмотря на то, что на севере еще не село солнце. Я смотрел на огромный простор восточного Алтака — поросшую кустарником бесконечную равнину, которая тянулась дальше, чем кто-либо добирался. Отсюда я видел крошечные проблески лагерных костров в дебрях, отделенные огромными пустыми расстояниями, над которыми возвышалось мрачное небо.

Эти земли принадлежали хану, хотя в те дни власть над ними все еще оспаривали другие племена и кланы. За ними, до восточного горизонта лежало царство киданей.

Мне никогда не доводилось смотреть в такую даль. Я сел, прислонившись к выступу голой скалы, и глядел перед собой. Высоко над головой кружили ночные

птицы, и я увидел первые звезды, появившиеся в холодном синем небе.

Я не знаю, сколько времени сидел там, единственная беззащитная душа на склонах Улаава, грожащая, когда на мир опустилась ночь.

Мне следовало разжечь костер и начать сооружать укрытие. Но какой-то причине я ничего не делал. Может быть, меня изнурило восхождение или головокружение от разряженного воздуха, но я не двигался. Скрестив ноги, я глядел на темнеющий Алтаи, запыленный крошечными золотыми огоньками, пылающими на равнине, очарованный их серебристыми двойниками на небосводе.

Тогда я почувствовал, что нахожусь в нужном месте. Мне не надо было ничего делать, или менять что-либо, или двигаться.

Если что-то должно было случиться, оно случится со мной здесь. Я буду ждать этого, так же терпеливо как агуу на узде.

Оно должно было найти меня. Я достаточно скитался.

Я проснулся неожиданно.

Это произошло слишком рано — небо было бархатисто черным, усеянным сверкающими звездами. Далекие костры все еще тизали в степи, изменив цвет на темно-синий. Было очень холодно, и ветер пошевелил сухие ветки вокруг меня.

Я видел, как один за другим гасли костры на Алтае. Они затухали, от чего равнина становилась еще более безжизненной — сплошная ничем не тревожимая пустота.

Я попытался пошевелиться. И понял, что могу скользить вверх, плывя по воздуху, словно это была вода. Я посмотрел на себя и увидел гладкое, покрытое перьями тело. Я быстро поднимался кругами, чувствуя, как легкий ветер возносит меня на грожащих крыльях.

Горы исчезли под ногами. Узкий горизонт опустился. На востоке, где лежали земли киданей, я увидел еще больше исчезающих огней. Весь мир растворялся во тьме.

Я парил, слегка поворачивая на

высоких ветрах. Крикнул и услышал вопль
ночной птицы. У меня было ощущение,
словно я единственное живое существо на
свете.

Вскоре я остался наедине со звездами.
Они продолжали гореть серебром над
головой. Я взлетел еще выше, хлопая
крыльями в истончавшемся воздухе.

Я оказался среди них. Вигел огни,
горевшие на небосводе; языки бушующего
пламени, мерцающего в темноте;
предметы, которые не узнавал, могучие,
закованные в железо, с носами, похожими
на плуги, разорванные на части и
превращенные в дрейфующие обломки.
Силы, слишком колоссальные для
понимания, сражались среди пустоты.

«Значит это боги», — мелькнула
мысль.

Я проследовал мимо обломков этих
предметов, восхищаясь образами и
символами, выгравированными на
вращающихся кусках металла. Я вигел
многоголовое змееподобное существо,
высеченное на одном фрагменте, голову
волка на другом. Затем увидел знакомый

символ — разряд молнии на золотом и красном фоне, вечный знак ханов.

Часть меня понимала, что это были видения, а мое тело находилось там, где я его оставил — на склонах Улаава. Другая часть меня, возможно, более мудрая, осознавала, что я видел нечто реальное, более чем реальное, лежащее в основе самой действительности, словно столбы гора, подпирющие ткань.

Затем, подобно кострам на Алтае, огни среди звезд погасли. Все покрылось мраком. Но я знал, что больше не засну. Знал, что за мной кто-то шел.

Я был на равнине. Стоял полдень, а в чистом небе ярко пылало солнце. С гор дул ветер, шелестел кустарником и дергал мой кафтан.

Я посмотрел вниз и увидел чашу в левой руке. Она была глиняной, как все чаши орду. И почти до краев наполнена кроваво-красной жидкостью.

Я снова посмотрел вверх, прикрыв глаза от слепящего солнца, и увидел перед собой четыре фигуры. Их очертания были размытыми, словно размытые тарелом, вот

только было совсем не жарко.

У всех были тела людей и головы животных. У одного — голова птицы с синими перьями и янтарными глазами, у другого — голова змеи, у третьего — красноглазого быка, а у последнего — гниющая голова рыбы, уже пожелтевшая от разложения.

Все четверо смотрели на меня, мерцая в лучах света. Они подняли руки и указали на меня.

Никто не говорил. У них не было гля этого человеческих губ. И тем не менее я знал, чего они хотят от меня. Каким-то образом их мысли сформировались в моем разуме, так ясно и отчетливо, словно они были моими.

«Ней», — сказали они мне.

Я посмотрел на чашу в левой руке. Жидкость в ней была горячей. Вокруг края собралась пена. Я неожиданно почувствовал сильную жажду и поднял чашу. На полпути ко рту моя рука задрожала.

Я понял, что в ней было нечто важное, но остановился. Внутри меня

спражались мои инстинкты.

«Ней», --- сказали они мне.

Тон их приказа остановил меня. Я не знал, почему они хотят, чтобы я это сделал.

И тогда я увидел Его. Он пришел с противоположной стороны. Его фигура тоже была человеческой, но ореол света вокруг Него не позволял разглядеть больше. Я не видел Его лица. Он шел ко мне, и я знал, не понимая откуда, что Он проделал очень долгий путь.

Он не приказывал мне. В остальном Он был похож на четверку звериных фигур. Между ними была какая-то связь, нечто, что я чувствовал, но не понимал. Эти четверо боялись Его. Я знал, что если вынуть из кубка, то отвергну Его, если нет, то отвергну их.

Мы замерли так на долгое время. Четверка указала на меня. Окутанный светом человек шагнул ко мне, ни на йоту не приблизившись.

«Ней», --- сказали они мне.

Я поднес чашу к губам. Сделал глоток. У жидкости был странный вкус.

сначала сладкий, потом горький. Я ощущал, как она течет по глотке, горячая и живительная. Как только сделал первый глоток, то почувствовал сильное желание продолжать путь. Я не хотел ничего иного, кроме как выпить все, полностью осушить чашу.

«Ней», — сказали они мне.

После единственного глотка я опустил чашу, осторожно наклонился и поставил ее на землю перед собой. При всей моей осторожности жидкость немного пролилась, испачкав пальцы. Затем я отступил на шаг назад.

Я поклонился Четверке, не желая оскорблять их, и заговорил, не очень понимая, откуда пришли мои слова.

— Будет вежливо выпить немного, — сказал я. — Нам этого достаточно.

Четверка опустила руки. Они больше не приказывали. Человек остановился, по-прежнему находясь там, где Он был, когда я впервые увидел Его.

Я почувствовал, что разочаровал всех. Но, возможно, я разочаровал Его меньше, чем их.

Видение начало расплываться. Я почувствовал, как восстанавливается прочность реального мира. Залитая солнцем равнина передо мной покрылась рябью, как вода, и я увидел провалы тьмы под ней.

Я хотел остаться. Я знал, что возврат в мир ощущений будет болезненным.

Я снова посмотрел на человека, надеясь разглядеть Его лицо, прежде чем сон закончится.

Но не видел ничего, кроме света, мерцающего и вращающегося вокруг яркого ядра. В свете не была тепла, только яркость. Он был похож на холодное солнце.

Но, когда Его свет исчез, я почувствовал утрату.

* * *

Я проснулся, в этот раз по-настоящему, и вздрогнул от холода. Мои руки и ноги болели и были цвета сырого

маса. Попытался пошевелиться и почувствовал, как мучительная боль пронзила суставы. Все болело, словно сапожники содрали кожу.

Светало. Равнины внизу были покрыты молочного цвета туманом. Я увидел, как над ним летит клин птиц, подобно нашему строю конных воинов. Сквозь туман поднимались бледные струйки дыма, последние следы костров, которые пылали всю ночь.

Я заставил себя пошевелиться. Спустя некоторое время боль стала стихать. Я размял руки, сделал несколько приседаний. Кровь снова побежала по моему телу. Мне по-прежнему было очень холодно, но движение помогло.

Я все еще помнил свои видения и знал, что они значили. Уйг, старый завын арга хана наказал ждаты их. Это было испытание небес — раз явившись, видения оставались навсегда.

Я не знал, что должен чувствовать. С одной стороны, это было подтверждением того, во что я всегда верил. С другой — предвещало жизнь в одиночестве.

Забыл арга не был воином. Он не
скакал по равнине в лакированном
доспехе, сражаясь за своего хана, его жизнь
была уединенной, он проводил ее в горах,
всегда под охраной, копался во
внутренностях животных и гадал по
звездам. Должность хоть и уважаемая, но
не самая почетная. Как и все мальчишки
племени, я мечтал скакать по степям,
сражаться с врагами моих братьев и
моего хана.

Когда я встал, грожа на склонах
Улаава и следя за туманом, покидающим
равнины, я раздумывал над тем, чтобы
сказать соплеменникам о провале
испытания, что мои золотые глаза всего
лишь странный, безвредный недуг.

Я даже начал размышлять, что
увиденное мной — всего лишь сон, который
снится каждому. Попытался заставить
себя поверить в это.

Затем я посмотрел на свои руки.
Кончики пальцев по-прежнему были
запачканы красным.

Я спрятал кисти в рукава, не желая
видеть их, и медленно побрел дорогой, по

которой пришел.

В эту ночь я стал другим человеком. Перемена была глубокой, и за прошедшие годы я постепенно осознал насколько глубокой. Но тогда у меня было такое чувство, словно почти ничего не изменилось. Я был ребенком и ничего не знал о силах, которые вменялись в мою жизнь.

Даже сейчас, более века спустя, в этом отношении я все еще ребенок. Все мы, обладающие силой. Мы знаем так мало, видим столь немногое.

И в этом заключается как великое проклятье, так и великое благословение: если бы мы знали больше и видели лучше, то, несомненно, сошли бы с ума.

Я спускался с гор больше, чем поднимался на них. Часто спотыкался, поскользывался онемевшими ногами на осыпающихся склонах. Когда солнце полностью взошло, идти стало легче. Я остановился только когда оказался поблизости от равнины, в начале долины, по которой поднимался накануне.

Я издалека увидел то, что осталось

от лагеря моей охраны, и тут же понял, что-то не так. Припал к земле около ствола дерева и прищурился, встатриваясь в глинное, извилистое русло реки, возле которого меня оставили воины хана.

Агүүн исчезли. Я увидел лежащие в неестественных позах тела. Мое сердцебиение участилось. В горы со мной пришли двенадцать воинов, двенадцать тел лежало на земле вокруг кострища.

Я прижался к стволу, не представляя, что мне делать. Я знал, что должен вернуться к хану, а также, что теперь абсолютно беззащитен. По равнинам не стоило путешествовать в одиночку — на Алтае нигде было спрятаться.

Я бы оставался здесь и дольше, если бы не услышал, как они приближаются. Откуда-то сверху доносился треск веток и громкие, беспечные голоса солдат, поющих на незнакомом мне языке.

В голове протелькнуло одно слово, от которого в жилах застыла кровь.

Кидани.

Каким-то образом я избежал их при спуске. Должно быть, они охотились за

мной в горах, и только слепая удача позволила мне пройти мимо них незамеченным.

Они приближались, продираясь через подлесок. Все, что я знал, что были другие, ползающие по Улааву, как муравьи из разворошенного муравейника.

Я не стал останавливаться, чтобы подумать. Выскочил из-за деревьев и бросился туда, где были убиты люди хана. Когда я скользил по крутой тропинке, слышал крики киданей, которые заметили меня и бросились в погоню.

Я бежал изо всех сил, чувствуя, как горят легкие, а дыхание становится тяжелым. Бежал, как гонимый страхом зверь, и не оглядывался.

Моей единственной мыслью было избежать от преследователей, выбраться на равнину и найти хана. Он возглавлял самую сильную орду на Алтае, мощь которой увеличивалась с каждым днем. Он смог бы защитить меня, даже если меня преследовали сотни киданей.

Но я должен найти его. Я должен каким-то образом выжить, пока не найду

Мне была известна его репутация. Я знал, что он передвигается с места на место непредсказуемо, оставляя врагов в дыраках. Даже Уйг, который мог видеть все пути, называл его беркутом — орлом-охотником, далеким странником, неуловимым.

Подобные мысли не помогли. Я заставил себя сосредоточиться на задаче, продолжая бежать, перепрыгивая через кустарники и обегая валуны. Я слышал голоса преследователей и топот их сапог.

У меня не было выбора. Все пути будущего сошлись в один, и мне не оставалось ничего другого, как следовать по нему.

Я сбежал с гор на равнину и нырнул в кувшины. У меня не было ни плана, ни союзников, только таленькая надежда. Все, что у меня осталось — моя жизнь, только что обогатившаяся видениями о другом мире. Я намеревался сражаться за нее, но пока не знал, как.

IV. ШИБАН

Мы знали, что орки в конце концов дадут бой. Когда ил некуда будет бежать, они развернутся и встретят нас.

Зеленокожие выбрали хорошую позицию. В высоких широтах северного полушария Чондакса бесконечные белые равнины сжимались в лабиринт ущелий и зубчатых пиков. Этот шрал на открытом лике планеты был виден из космоса. Мы никогда не проникали далеко в этот регион, сначала решив очистить от орков равнины. Эта местность была создана для обороны — тяжело войти, легко укрыться.

Когда наши операторы аусника увидели ее с орбиты, то назвали мегази — Дробилка. Думаю, они так пошутили.

Я встал в седле, взглядываясь в первую из множества скал, поднимавшихся над северным горизонтом. Из центра горной гряды выросли глинные столбы дыма.

Я поднес к глазам магнокуляры и увеличил изображение. Среди катней располагались металлические объекты,

блестевшие в ярких лучах солнца. Орки возвели стены поперек входов в узкие ущелья, используя в качестве материалов собственные машины. Зная, что они ил больше не понадобятся, зеленокожие превратили свои единственные транспортные средства в единственное средство защиты.

Мне это понравилось.

--- Они хорошо расположились, --- сказал я, изучая укрепления.

--- Точно, --- согласился Торгун, который стоял рядом со мной и тоже смотрел в телескопы. Наши братства развернулись позади в штурмовых построениях, ожидая приказа к атаке.

--- Вижу много стационарных орудий.

Я перевел взгляд на вход в ближайшее ущелье. Оборонительные стены были едва видны, расположенные дальше от входа и протянувшиеся по дну оврага линией металлических листов и соединенных опор. На стенах были видны патрули орков. Как заметил Торгун, выше по склону ущелья были установлены орудийные башни.

— Это бюджет трудно, — сказал я.

Торгун засмеялся.

— Наверняка, Шибан.

За те дни, что мы провели вместе, я пришел к выводу, что понять Торгуна непросто. Иногда я не мог взять в толк, почему он смеется. В другой раз смеялся я, а он удивленно смотрел на меня.

Торгун был хорошим воином, и думаю, что мы оба стали уважать друг друга после первых совместных боев. До прибытия к Дробилке, мы уничтожили еще два конвоя, и я лично видел, как сражается его братство.

Они были более организованными, чем мы. После начала боя я редко отдавал приказы братьям, доверяя их самостоятельности. Торгун командовал своими воинами постоянно, и они незамедлительно следовали за ним. Они использовали скорость, как и мы, но быстрее занимали огневые позиции, когда сражение становилось более позиционным.

Я никогда не видел, чтобы они пользовались некоторыми тактическими приемами. Воины Братства Луны никогда

не отходили, не иттировали
отступление, чтобы выманить врага.

--- Мы не отступаем, --- признался он.

--- Это эффективный метод, ---
ответил я.

--- Более эффективно дать и
понять, что ты никогда не сделаешь это, ---
сказал он, улыбнувшись. --- Когда Лунные
Волки вступают в бой, враги знают, что
они никогда не прекращают наступление,
без остановки, волна за волной, до
победного конца. Это оказывает сильное
воздействие.

Едва ли я мог усомниться в
репутации Легиона магистра войны. Мне
приходилось видеть его в бою. Лунные
Волки производили сильное впечатление.

Поэтому, изучив укрепления
зеленокожих, я плохо представлял, что
предложит Торгун. Меня тревожила
мысль, что он посоветует подождать, пока
к нам не присоединится другая линган, а
спор не входил в мои планы. Я хотел
поддерживать ипульс нашего
наступления, так как знал, что другие
братства уже вступили в сражение на

противоположной стороне огромного комплекса ущелий. Если мы собирались добиться чести сражаться рядом с каганом, который наверняка будет в эпицентре битвы, тогда должны оставаться на передовой затягивающегося кольца.

— Я не хочу ждать, — решительно сказал я, опустив магнокүляры и взглянув на Торгүна. — Мы можем разбить их.

Торгүн не сразу ответил. Он продолжал смотреть на далекие скалы, выискивая уязвимые места. В конце концов он опустил магнокүляры и посмотрел на меня.

Торгүн ухмыльнулся. Я видел эту ухмылку прежде, она была одной из немногих черт, свойственных нам обоим. Он ухмылялся перед тем, как вступить в бой, так же, как и я.

— Думаю, ты прав, брат, — сказал он.

Мы обрушились на левый фланг врага, быстро набрав атакующую скорость и потчавшись по равнине сожкнутыми эскадронами. Я пригнулся в седле, сжимая ручки управления, чувствуя звериный рев

главного и сильную вибрацию вспомогательных двигателей, а также неистовые порывы скованного духа машины. По обе стороны от меня мчались наг белой землей идеальным строем братья.

Выбранный нами вход в ущелье был узким — двести метров шириной по дну, а с крутыми склонами — и кишел защитниками. Мы широко растянулись, используя выступы скалы для укрытия. Выступающие сбоку от теснины скалы для скрытого сближения. Я чувствовал, как заплетенные в косы волосы хлещут о щечки. Воины мчались, поглощая расстояние неистовым потоком.

Мы рассчитали время нашей атаки, чтобы она совпала с восходом третьего солнца. Когда оно появилось за нашими спинами, ослепляя защитников серебристыми лучами, я закричал, приветствуя его.

— За кагана! — заревел я.

— За кагана! — раздался оглушительный восторженный вопль.

Я наслаждался происходящим: пять сотен моих братьев с ревом и на

захватывающей дух скорости сближались с целью, их окутывал ослепительный серебристо-золотой ореол, а наши гравциклы вставляли на дыбы и петляли. Я видел рядом с собой Джучи, выкрикивающего боевые кличи на хорчине, его глаза пылали жаждой крови. Бату, Хаси, остальные воины моего минган-кешика, все они приникли к своим машинам и сгорали от нетерпения вступить в бой.

Рывнули первые залпы оборонительного огня, и вокруг нас поднялись разрывы от разноцветного потока снарядов и энергетических лучей. Мы петляли между ними, разгоняя еще больше свои гравциклы, упиваясь их великолепной балансировкой, напором и маневренностью.

Нас встречали быстро увеличивающиеся в размерах скалы. Мы объехали их, сильно наклоняясь и касаясь земли, прежде чем устретиться к входу в долину.

Мои братья выскочили из-за прикрывающих нас скал, и по нам

хлестнул сокрушительный и сверкающий
огненный шторм. Со стен сорвался ураган
снарядов, они взрывались среди нас и
разбрасывали гравициклы.

Всадник подле меня получил прямое
попадание. Его машина рассыпалась градом
металлических обломков и брызгами
прометия, неуправляемо пролетев по
ущелью и врезавшись в землю пылающим
остовом. Воинов выбрасывало из седел, их
броня превращалась в решето, а машины
врезались в каменные стены, взрываясь в
огромных облаках пламени.

Никто из нас не затеделлся. Мы
мчались по ущелью, поддерживая
атакующую скорость, ныряя и уклоняясь
от потоков огня, поднимаясь над ними,
чтобы увеличить сектор обстрела, а
затем спускаясь до уровня земли и
пропуская их над головами.

Я добавил газу, чувствуя, как мой
гравицикл трясется от напряжения.
Земля вокруг превратилась в размытую
белую полосу, все внимание было
сосредоточено на металлических стенах
впереди. Я ощущал, как снаряды рвутся о

любовью броню машины, почти сбивая ее с траектории. Все больше моих братьев падало, когда в них попадал поток снарядов и шрапнели.

Стены стремительно приближались. Я видел орков, которые подпрыгивали наверху, размахивали оружием и вызывающе вопили. Орудийные башни развернулись и нацелились на нас, чтобы обрушить огонь, прежде чем это сделают мы.

Мои братья дали залп. Загрелась какофония огня из тяжелых болтеров, наполнив ущелье градом опустошительного разрушения. Стены исчезли за разрывами. Металлические плиты покрывались вмятинами, лопались и разлетались градом обломков. Я видел, как зеленокожих швыряло высоко в воздух, их тела разрывало снарядами.

И только тогда, как и обещал Торгун, его части тяжелой поддержки открыли огонь. Вспомогательные отделения вышли из боя и под прикрытием нашей фронтальной атаки захватили высоты по обеим сторонам ущелья. Воины Торгуна

располагали боевыми средствами, которых не было у нас: роторными и лазерными пушками, ракетными пусковыми установками, даже редким лучевым оружием, которое они называли «волкитная кулеврина» и которое я прежде не встречал.

Их залп был опустошительным, воспламенив сам воздух и затопив преграду перед нами волной неистовой энергии. В баррикаде были пробиты огромные бреши. Сквозь огненную завесу разлетались вращающиеся опоры и балки. Мимо нас со свистом проносились ракеты, пронзая ураган разрушения и врезаясь в горящие укрепления орков. Ослепительные лучи энергии трещали и шипели, отбрасывая на скалистые обрывы злобещий свет.

Я выбрал себе цель, направившись к объёму пламени отверстия в стене. Протчавшись через стекло, ощутил, как той доспех облизывают языки пламени. Мне пришлось почти положить машину на бок, чтобы уклониться от орочьей ракеты. Затем я выпрямил гравцикл, еще больше

увеличил тягу и проскочил через неровное отверстие в стене.

В меня что-то попало, когда я прорвался через укрепления. Я почувствовал глухой удар в нижней части грудицикла, и его сильно развернуло вправо. Мне с трудом удалось справиться с управлением, предотвратив срыв в роковой штопор.

Мир размылся вокруг меня, грожа и вращаясь. Я слышал, как другие грудициклы проносятся через бреши в стенах и стреляют из тяжелых болтеров по защитникам. Мельком увидел ущелье на дальней стороне с множеством ветхих баррикад и узких проходов, кишущих толпами орков, которых переполняла звериная ярость. Дефиле было оплетено паутиной трассеров плотной и непрерывной стрельбы, разрываемой шапками рвущихся в воздухе снарядов.

Я развернулся и нырнул под шквал снарядов, после чего увеличил обороты работающего с перебоями двигателя. Оставляя за собой дыльный след, моя машина накренилась и встала на дыбы.

после чего окончательно заглохла, сорвавшись в резкое пикирование.

Скалистая земля устремилась навстречу с головокружительной скоростью. Я выпрыгнул из седла, тяжело приземлился и перекатился, услышав громкий скрежет врезавшегося в дно ущелья гравицикла, затем раздался свист и взрыв воспламенившихся топливных баков.

Я вскочил на ноги, когда вокруг меня посыпались обломки, глефа уже была в руках. Стены были почти в двухстах метрах за спиной. Передо мной была еще одна преграда — подмошки обваливались, податчики боезапаса горели, как факелы, взрывы сильного обстрела Торгуна сотрясали землю. Орки были повсюду, падали с разрушающихся брестверов, карабкались по скалам. Воздух был наполнен немыслимым шумом — воплями, криками, ревом двигателей гравициклов, выстрелами орудий.

Несколько групп зеленокожих уже заметили меня. Они открыли огонь по мне из самодельных карабинов и пистолетов и

бросились в атаку. Я чувствовал свист и треск пуль, рикошетирующих от моего доспеха. Слышал их звериные, хриплые боевые кличи. Ощущал страд их гнева.

Я активировал энергетическое поле гуань дао и почувствовал, как грозило ему гревко.

Когда орки приблизились ко мне, я был более чем готов.

Я развернулся, рубанув гуань дао. Сверкающее лезвие глубоко вошло в торгу первого орка, разрезав плоть. Тварь отшатнулась, пуская кровавую пену.

Следующий ксенос нанес бешеный удар топором, который вонзился в мой наплечник, но не смог пробить кератин. Я вонзил глефу в живот орку и провернул ее, расплавив внутренности. Набросились новые, и я пробился через них, кружась и нанося удары. Гуань дао пела в моих руках, вращаясь вокруг меня сверкающей паутиной энергии. Зеленокожие разлетались по сторонам, их броня рассекалась, а тела — распадалась.

Я едва слышал грохот и суматоху кипящей вокруг битвы.

С головой погрузившись в битву, я не замечал ни пылающее небо над головой, ни проносащиеся мимо десятки гравциклов, которые стреляли из бортового оружия.

Я развернулся, снеся голову зеленокожему, затем отскочил назад, разгробив пяткой гуань гао череп грузого ксеноса. Я потрошил, колот, рубил, ломал и ослеплял, подпугиваемый своим успехом, силой и жестоким мастерством.

Один из орков — огромный клыкастый монстр с ржавыми железными наплечниками — бросился на меня, каким-то образом увернувшись от моего клинка и пробив мою защиту. Мы столкнулись с резким стуком и оба растянулись на земле. Тварь свалилась на меня, и вонь ее тела ударила в нос. Орк врезал лбом мне в лицо, отчего моя голова дернулась назад. Глаза залило кровью.

Я был прижат к земле и попытался развернуть глефу, которую все еще сжимал в левой руке, чтобы вонзить ее в спину орка. Он заметил движение и заблокировал его собственным оружием — шипастой булавой, покрытой кровью.

Энергетическое поле гуань дао
сдетонировало от соприкосновения, разнеся
головку булавы на металлические
фрагменты, которые осыпали нас обоих.

Зеленокожий отшатнулся, ослабив
хватку. Он схватился за глаза и заревел
от боли. Мощным толчком я отшвырнул
его и рубанул глефой, целясь в живот.
Клинок вошел глубоко между пластинами
брони и разрезал орка до самого
позвоночника. Я обхватил древко обеими
руками и вырвал оружие. Тело монстра
превратилось во влажную кучу
разорванных мышц, крови и костей.

Я услышал шум за спиной и резко
развернулся, приготовившись снова
взмахнуть клинком.

Это был Джучи, окруженный грудями
порочных трунов. Он держал болтер, доспехи
покрывали пятна крови. За ним я увидел,
как медленно оседает полуразрушенная
стена, охваченная огнем. Мои братья были
повсюду: атаковали, преследовали,
убивали, разрывали, подобно мстительным
призракам посреди многочисленной орды.

--- Отличная охота, мой хан! ---

отлетел Джучи, искренне растеявшись.

Я разделил его радость, чувствуя, как открылись порезы на лице.

--- У она еще не закончена! ---
выкрикнул я, страхивая кровь с клинка и повернувшись, чтобы разыскать новую добычу. Над головой пронеслись гравициклы, управляемые гикающими и кричащими всадниками.

Под их скользящими тенями мы вернулись в бой.

С разрушением стен битва в ущелье не стихла. Еще больше баррикады перегораживали извилистые теснины, блокируя пути, ведущие внутрь Дробилки. Зеленокожие окопались везде, где только могли. Они хлынули из своих убежищ, бросаясь на нас толпами, пробираясь по каменистому дну ущелья и торопясь пустить нам кровь. Мы прорубали путь через глинные дефиле, втянувшись в жестокую свалку и атакуемые со всех сторон.

Многие мои братья оставались в седле, проносясь вдоль и поперек по глинному ущелью и уничтожая вражеские

огневые позиции на скорости, недоступной защитникам. Остальные, как и я, наступали в пешем строю, стреляясь поскорее сцепиться с зеленокожими.

Сблизившись с нашей добычей, мы почувствовали страх ее крови и пота, услышали прерывистый рев и ощутили, как дрожит земля от топота множества ног. Даже убивая их, мы наслаждались их мастерством и свирепой отвагой, осознавая, каких превосходных существ истребляли.

Джучи был прав. Со смертью последнего зеленокожего день станет унылым.

Единственное, что меня беспокоило — это медленное продвижение Торгуна. Мы наступали без остановки, прорывались все дальше в ущелье, сжигали каждую попадавшуюся на пути баррикаду, убивали всех на своем пути. Я рассчитывал, что братство Торгуна будет следовать сразу за нами. Нам бы пригодилась поддержка их отделений тяжелого вооружения.

Ное братство начало отрываться от них. Им следовало быть быстрее.

После того, как мы прорвались к первой развилке в извилистом ущелье, я покинул поле боя, позволив своим воинам сражаться самостоятельно.

--- Брат мой! --- выкрикнул я по вокс-каналу, который выделил вместе с Торгуном для личных переговоров. --- Что тебя задерживает? Ты заснул? Мы обратили их в бегство!

Я хотел, чтобы мои слова были понятными, как и всегда посреди битвы. Вероятно, я даже немного растеялся.

Ответ Торгуна поразил меня.

--- Что ты делаешь? --- ответил он. Даже по радиосвязи я расслышал гнев в его голосе. --- Закрепись на своей позиции, капитан. Вы растягиваетесь. Я не буду поддерживать такой темп. Мы не зачистили точки входа.

Я огляделся. Битва была хаотичной и неконтролируемой, какими и бывают всегда сражения. Орда орков накатывалась по дну долины, огромная и беспорядочная. Она встретилась с тонкой линией Белых Шрамов и с яростью набросилась на них. Мы уже затеблились. А нам следовало

быстро опрокинуть их, обрушиться, прежде чем они наберут темн, отбрасывать снова и снова.

Задача была важной и не терпела отлагательств. Казан будет быстро наступать к центру Дробилки. Другое братства будут спешить, чтобы соединиться с ним. Я боялся отстать.

--- Мы наступаем, --- сказал я, сообщая об этом, как о свершившемся факте, и больше не улыбаясь. --- Мы одолеваем их и не должны останавливаться.

--- Вам не одолеть их. Удерживайте позицию. Ты слышишь меня? Удерживай свою позицию.

Командный тон поразил меня. Какой-то миг я старался подобрать слова.

--- Мы наступаем, --- повторил я.

Выбора не было. Он должен понять этого.

Торгун не ответил. Я услышал его ругательства и едва разобрал приглушенный треск рвущихся вдалеке боеприпасов.

Затем он отключил связь.

Джучи, который сражался

поблизости, с насмешливым видом подошел ко мне.

--- Проблемы, мой хан? --- спросил он.

Я не сразу ответил, так как был обеспокоен, и задумался над тем, чтобы приказать своим воинам отступить, закрепиться на позиции и подождать подхода терранцев. Это сохранило бы согласие между нами, которое я не хотел разрушать.

Мы были братьями, он и я. Мысль о раздоре между братьями была возмутительной.

Затем я оглядел ущелье и увидел бойню, устроенную нами. Увидел мой тинган во всем блеске его непревзойденной ярости, воинов, сражающихся со страстью и непринужденностью, как и требовала их природа.

--- Никаких проблем, --- ответил я, пройдя мимо Джучи, чтобы вернуться в бой. --- Мы опрокинем их.

Мы продолжали биться. Мы сражались, когда солнца начали садиться, сражались, когда погас свет, превратив ущелья в омуты маслянистой тьмы. Мы

надели шлема и воспользовались ночным режимом охотника, чтобы преследовать орков, непрерывно наступая и атакуя их.

Они неистово сопротивлялись. Со времен Уллнора я не видел, чтобы зеленокожие так сражались. Они концентрировали войска, устраивали засады, насылали на нас воинов-самоубийц. Каждая баррикада брала с нас плату, каждая огневая точка забирала жизни, прежде чем мы уничтожали ее. Мы поддерживали изнурительный темп, не позволяя им перегруппироваться, а себе замедлиться. Наша кровь смешалась с их кровью. Ущелья были забрызганы ею, она окрасила серую пыль в темно-красный цвет.

В предзакатный час, когда все три солнца все еще были за горизонтом, я, наконец, приказал своим братьям остановиться. К этому времени мы продвинулись далеко в Дробилку. Нас окружали все более глубокие ущелья и отвесные скалы из белого камня. Со всех сторон лились потоки огня. Группы зеленокожих обходили нас, проскальзывали

по опасной местности на уже захваченную нами территорию. Они вопили на нас из теней. Крики отражались от окружающих скал, усиливаясь и искажаясь. Словно сама земля изводила нас.

Я вспомнил предостережение Торгуна и задумался над тем, что он, возможно, был прав, и мое желание наступать поставило нас в затруднительное положение. Его братство было все еще далеко от нас, упорно, но неторопливо продвигаясь к нам. Меня не покидала мысль, что он умышленно не спешил.

— Мы займем позиции здесь, — отдал я приказ Джучи и Бату, чтобы они передали его остальным. — На рассвете возобновим наступление.

Выбранное мной место было ближайшим к бастиону. Над сильно пересеченной местностью возвышалось широкое каменистое плато, представляя выгодную позицию над окружающей территорией. Три стороны были отвесными, в то время как четвертая снижалась склоном из раздробленных камней и щебня. Возвышенность не была

идеальной — пики на гальней стороне
ущелья возвышались над нами, и на самом
плато было очень мало укрытий.

Тем не менее оно давало нам
возможность остановить рост потерь.
заново придать определенную
упорядоченность битве. Мы прорвались на
плато, карабкаясь по крутым расщелинам в
скалах, соскальзывая по щебню. После
захвата возвышенности мы окопались
вдоль склонов, получив возможность вести
огонь по теснинам сверху. Я бросил
целевые эскадроны гравциклов на
стационарные огневые точки, но запретил
им продвигаться дальше после
уничтожения целей.

Как я и предполагал, зеленокожие
сочли нашу остановку за слабость. Они
устремились на нас, выскакивая из
скрытых тайников и туннелей, которые
мы полностью не уничтожили. Орки
хлынули по крутым склонам плато,
карабкаясь друг по другу в своей жажде
добраться до нас. Они были похожи на
армию упырей, во мраке их кожа казалась
почти черной, а глаза горели красным

светом.

С этого момента натиск не ослабевал. Окруженные со всех сторон мы сражались, как и зеленокожие — свирепо, бесхитростно, ожесточенно. Они взбирались, мы сбрасывали их вниз. Они цеплялись за нас, утаскивая каждого воина, покидающего строй, вниз, в ревущий ужас. Мы стреляли и кололи их, отправляли размахивающие руками и ногами тела кубыркаться в темноту, швыряли гранаты в их открытые пасти, отпрыгивая, когда тела разлетались на куски. Они окружили нас, превратив плато в одинокий остров спокойствия посреди бушующего шторма кровожадности ксеносов.

Я оставался на передовой, где шли самые тяжелые бои, орудуя двумя руками топором, прорубаясь через плотную массу зеленокожих, словно они были единым, огромным, бесформенным организмом. Я чувствовал, как сильно колотятся мои сердце, а мышцы рук горят от боли. Под шлемом лицо было мокрое от пота, который стекал под горжет. Орки бросались на наши клинки, используя свои

тела, чтобы изнурить нас, замедлить, пробить бреши в наших рядах, в которые могли ворваться их сорогичи. Их отвага была выдающейся, сила — потрясающей, а решимость — абсолютной.

Мы были окружены и уступали в численности. Такое с нами случилось редко — мы не часто позволяли сковать нас. Наш Легион никогда не отправляли на операции по удержанию объектов в течение долгого времени, в отличие от суровых Железных Воинов или праведных, золотых Имперских Кулаков. Мы всегда презирали подобную гарнизонную службу и сочувствовали приговоренным к ней. Я не мог представить нас в подобных войнах — посаженными, прижатыми к стенам, в то время как над головами пылали небеса.

Но мы были Легионес Астартес, и сражались с уверенностью и решимостью, приобретенными с многолетним опытом. Мы ни разу не уступили. Мы платили за этот бастион на Чондаксе своей кровью, сценив зубы и крепко удерживая позиции. Когда один из нас погибал, мы взыскивали плату, стыкали ряды и бились с еще

большой яростью в этой ужасающей бойне.

Полагаю, мы могли бы держаться там бесконечно долго, позволяя волнам зеленокожих разбиваться о нас, пока они не выдохлись, и мы снова не перешли в наступление. Это предположение так и не прошло проверку. Я увидел шлейфы ракет, вылетающих из ночи, поражающих фланги и тыл врага и сокрушающие его наступательный порыв, увидел массированные залпы толстых лучей лазншек, безмолвно пожинающие свою страшную дань. Слышал низкий рев тяжелых болтеров и автомншек, ставящие плотный огневой вал.

Я взглянул поверх огромной массы чужаков и увидел бело-золотые проблески, движущиеся по ущелью с юга. Вспыхнула стрельба, заревели двигатели гравциклов.

Я смотрел на происходящее со смешанными эмоциями: несомненно с облегчением, но также с раздражением.

Торгун, наконец, добрался до наших позиций.

К тому времени как первые лучи

рассвета проникли в ущелье, зеленокожие были мертвы или бежали. Впервые мы позволили выжившим уйти. У нас было достаточно дел — собрать снаряжение, починить доспехи, вернуть в боеспособное состояние раненых. В свете восходящего солнца плато выглядело опустошенным, затянутым дымкой и заваленным трупами и тлеющими останками гравичиклов.

После того как братство Торгуна присоединилось к нам, я некоторое время не видел его. У меня было много дел и мало желания говорить с ним. Я занимался своими воинами, из всех сил стараясь снова подготовить их к битве. Вопреки всему мне не терпелось продолжить наступление. Я видел вырастающие впереди серые столбы дыма и знал, что кольцо вокруг орков быстро смыкается.

Я все еще смотрел на север, пытаясь выбрать лучший путь для наступления, когда наконец подошел Торгун. Я повернулся, почувствовав присутствие хана, прежде чем увидел его.

На нем был шлем, поэтому я не мог

увидеть выражение его лица. Когда он заговорил, по его напряженному, несдержанному голосу я предположил, что он зол.

--- Я не хочу сражаться вместе с тобой, Шибан, --- устало признался он.

--- Как и я.

--- Ты должен выслушать.

Впервые мои действия поставили под сомнение. Конечно же, у Торгуна было право так поступать, но это уязвило мою гордость хана, и я не смог подобрать достойный ответ.

--- Просто скажи мне, --- попросил он. --- Почему это так важно для тебя?

--- Ты о чем? --- не понял я.

--- Увидеть кагана. Почему ты решил сделать это --- подвергнуть наши отряды, наших воинов риску? Мы даже не знаем, на планете ли он. Скажи мне. Помоги понять.

Его слова удивили меня. Я знал, что Торгун более осторожен, чем я. Что его пугают войны иной. Мне и в голову не приходило, что он не придает значения возможности сражаться рядом с величайшим из нас.

--- Как ты можешь не желать этого? ---
спросил я.

Тогда мне искренне стало жалко Торгуна. Я предположил, что он, должно быть, пропустил что-то в своем карьерном росте или, возможно, забыл. Он называл себя Белым Шрамом. Я задумался, значило ли это имя для него что-то еще, кроме обозначения Легиона. Для меня, для моего братства оно было всем.

Я почувствовал, что должен объяснить, даже если мои надежды на понимание были незначительными.

--- Война --- это не инструмент, мой брат, --- сказал я. --- Война --- это жизнь. Мы выросли в ней, мы стали ею. Когда галактика наконец будет очищена от опасностей, наше время закончится. Недолгое время, золотое пятнышко на лице галактики. Мы должны беречь то, что у нас есть. Мы должны сражаться в присущей нам манере, совершенствовать ее, славить данную нам природу.

Я говорил страстно, потому что верил в это. До сих пор верю.

— Огнажды я видел его в бою, на расстоянии, — сказал я. — И никогда не забуду этот момент. Одного этого безлого взгляда было достаточно, чтобы поверить в возможность совершенства. В каждом из нас есть частица этого совершенства. Я очень хочу снова увидеть его, увидеть вблизи, познать его, стать им.

Покрытый кровью шлем Торгун безучастно смотрел на меня.

— Что еще нам остается, брат? — спросил я. — Мы строим будущее не для себя, мы создаем империю для других. Эта воинственность, эти восхитительные и ужасные побуждения — все, что у нас есть.

Торгун по-прежнему молчал.

— Будущее будет другим, — сказал я. — Однако, сейчас для нас есть только война. Мы должны жить ею.

Торгун недоверчиво покачал головой.

— Вижу на Чогорисе рождаются не только воины, но и поэты.

Я не мог сказать, смеется ли он надо мной.

— Мы не делаем разницы между ними, — ответил я.

--- Еще одна странная традиция, ---
заметил он.

Затем поднял руку, и я услышал
шипение отмыкаемых замков шлемов.
Торгун снял его и прикрепил магнитными
зажимами к доспеху.

Как только мы встретились
взглядами, стало легче понимать друг
друга. Не гутаю, что мои слова смогли
убедить его.

--- Я сражаюсь не так, как ты,
Шибан, --- сказал он. --- Возможно, я даже
сражаюсь не за то же, что и ты. Но мы оба
из Пятого Легиона. Мы должны найти
общий язык.

Торгун посмотрел вверх, мимо меня и
на север.

Там был он. Там он сражался.

--- Мы должны быть на передовой
шторма, уже сейчас, --- сказал Торгун. ---
Как быстро твои братья будут готовы?

--- Они всегда готовы, --- ответил я.

--- Тогда мы двинемся вместе, ---
произнес Торгун с трачным выражением
лица, --- в тесном взаимодействии, но я не
буду задерживать тебя.

В лучах единственного утреннего солнца его кожа выглядела темнее, чем обычно, почти как у одного из нас. Он уже во многом уступил. Я ценил это.

--- Мы найдем его, брат, --- пообещал он. --- Если это нужно сделать, то так тому и быть.

V. ТАРГУТАЙ ЕСУГЭЙ

Решение бежать на Алтан было неудачным. Если бы я остался в горах, то у меня был определенный шанс ускользнуть от преследователей. На равнине это было невозможно.

Чногда я задумываюсь, почему принял это решение. Конечно, я был ребенком, но не глупцом, и знал, что лесистые долины давали лучший шанс сбежать от киданей, даже если этот шанс все равно был мизерным.

Возможно, мне было суждено сделать этот выбор. Но мне не нравится само понятие «судьба», сама мысль, что наши действия предопределены высшими силами, что наши поступки совершаются, как в театре теней, ради их забавы. Более всего мне не нравится мысль, что будущее предрешено, убегая от нас четкими линиями, которым мы вынуждены следовать, меша себе иллюзией о высшей воле.

Ничто из того, что я узнал с

момента моего восхождения, не убедило
меня, что я неправ в своих размышлениях
об этом. Я познал сокровенные принципы
вселенной и долгие, утомительные игры
бессмертных, но я сохраняю веру в
возможность выбора.

Мы творцы своих поступков. Когда
приходят испытания, мы можем пойти
разными путями: можем победить или же
проиграть, и вселенной все равно.

Я не думаю, что это судьба увела
меня с Улаава в пустынные просторы
Алтака. Я думаю, что принял неверное
решение, основанное на страхе.

И не виню себя за это. Все мы, даже
самые могучие и возвышенные, можем
совершить подобные ошибки.

Некоторое время я был быстрее.
Оказавшиеся в горах кидани носили
стальные пластинчатые доспехи поверх
кожаных жилетов. Я слышал на бегу лязг
их шарнирных наручей и знал, что воины
устанут быстрее меня.

Я направился на юг, несясь из всех
сил из тени высокогорья на открытые
равнины. Земля под ногами была сухой и

твердой. Ветер был по-рассветному свеж,
прохладен и умерен.

Передо мной ничего не было. Алтан
был слегка холмистым, как океан зелени,
но здесь не было глубоких лощин, способных
спрятать меня. На равнинах человека или
зверя можно было заметить за многие
километры. В этом и заключалась моя
надежда — я увижу свиту Великого Хана с
большой дистанции и смогу добраться до
них вовремя.

Я чувствовал, как сбивается дыхание,
а обутые в мягкую кожу ноги начинают
болеть. Хотя я не ел со вчерашнего дня, по
какой-то причине это не сказывалось на
моей выносливости. Мне вспомнилось
видение о четырех фигурах и напитке,
который они мне дали, и подумал,
насколько близким к реальности оно было.
В горле все еще стоял вкус горечи, как у
испорченного молока.

При всей неуклюжести преследующих
меня киданей из-за надетых на них
доспехов, я беспокоился, что не смогу от
них оторваться. Шумы их шагов,
тяжелого дыхания, бряцающего оружия

следили за мной по равнинам. Я повернул голову на бегу, ожидая увидеть их в близости.

Это было не так. Я сильно опередил их, и они с трудом поспевали за мной, как и я, обходясь без коней. Казалось, мой слух стал острее, как и зрение. Когда я оглянулся, меня преследовали двенадцать киданей, задыхающихся и бранящихся. Я чувствовал, что могу заглянуть в них, видеть плоть их душ, пылающее в груди.

Это поразило меня. Мое восприятие изменилось. Все — мир вокруг, мои преследователи — стало более ярким, чем было.

Меня это испугало, даже больше, чем перспектива быть убитым. Внутри кипели новые ощущения, заливая краской щеки и нагревая ладони.

Я чувствовал себя могучим, но и беспомощным. Я достаточно знал о путях проводцев, чтобы понимать: то, что произошло во мне на горе, необходимо обуздать.

Я отвернулся от киданей и побежал быстрее. Физическое усилие немного

помогло. Бежать стало легче, и проклятья солдат стихли, как только они отстали.

Я остотрел горизонт впереди, отчаянно ища хоть какой-то след Хана. Тогда я проклял его неуловимость.

Я ничего не видел — только небо, и землю, и туман между ними.

Я знал, что пешие солдаты будут не в огуи. Никто не путешествует на Алтае без коней, а земли киданей лежали далеко.

Как только солдаты поняли, что я быстрее них, они начали трубить в разветвленные костяные рога. На открытых просторах зазвучали их сигналы, разносимые вдаль порывами ветра. Затем задыхающиеся воины отстали, стирившись с тем, что я оторвался от них, так как знали: мне не уйти далеко.

Я не останавливался. У меня было ощущение, что я могу бежать вечно. Мой легкий кафтан, который не мог согреть меня на высокогорье, позволял двигаться широким шагом. Когда солнце поднялось выше, мои мышцы достаточно

разогрелись. Я чувствовал жар в своих жилистых загорелых ногах, и это подгоняло меня еще больше.

Затем донесся звук агүүн. Я слышал, как их копыта стучат по твердой земле, и, не оглядываясь, знал, что их много. Я держал голову опущенной и безуспешно высматривал впереди хоть какое-то убежище на равнинной местности.

Они быстро догнали меня. Агүүн может с легкостью обогнать человека и скакать неустанно. Те, что догоняли меня, были прекрасными животными, темного окраса и с могучими ногами. Я услышал их хриплое дыхание и хлопки глиняных хвостов.

Я в последний раз бросил отчаянный взгляд на горизонт. Хана нигде не было видно. Я возложил все свои надежды на то, чтобы найти его, и просчитался.

Когда удары копыт загремели в моих ушах, я остановился и повернулся лицом к своим убийцам. У нашего народа сатыл худшим грехом считалось показать страх врагу, и я решил достойно встретить смерть.

По равнине тчалась цепь искусных всадников, приближаясь ко мне. На них были пластинчатые доспехи, сверкающие на солнце. Один из всадников держал длинное копьё с хвостом из толстого волоса, прикрепленного сразу под наконечником. За воинами развевались яркие знамена, хлопающие на ветру.

Один всадник скакал впереди остальных, быстро приближаясь ко мне. Я увидел стальной шлем, увенчанный шипом, бронзовые детали доспехов, взбивающие землю копыта, устретившуюся ко мне веревку.

Аркан скользнул по моим плечам и крепко затянулся вокруг пояса. Всадник промчался мимо, потащив меня за собой. Когда веревка затянулась, меня сбило с ног и швырнуло на землю. Я упал лицом вниз.

На миг я подумал, что он натеревался потащить меня за собой, но натяжение веревки тут же ослабло. Я поднялся на колени, веревка затянулась вокруг талии, а по подбородку стекала кровь.

Всадник объехал меня и спешил, все

время удерживая другой конец веревки. Он подошел ко мне и устехнулся, дергая аркан, словно я был зверем на поводке.

--- Ты быстро бегаешь, малец, --- сказал он. --- Но недостаточно.

Его тон разозлил меня. Мои руки были все еще свободны, и хотя у меня не было оружия, я все еще мог сражаться.

Я прыгнул на него. У меня не было ни плана атаки, ни представления, как я буду биться с человеком, почти вдвое тяжелее меня и облаченного в полный доспех.

А затем случилось это.

Моя жизнь изменилась, соскользнув с одного пути на другой. Когда это наконец случилось, то стало полной неожиданностью для меня. Может быть, мои видения на Улааве были не более чем бредом, или, возможно, они дали мне истинное представление о более глубокой и темной реальности. Это не имело значения. Во мне что-то пробудилось, и оно решило в этот момент проявить себя.

Когда я оглядываюсь в прошлое, думая о Чогорисе, потерянном мире, который любил, то вижу этот момент, навсегда

запечатленный в моей памяти, как
обработанная кислотой сталь. Именно
этот миг разделил нас, повернув мою
судьбу от равнин к звездам, в космос, где в
бессмертной темноте меня ждали ужасы
и чуда.

Тогда я не знал об этом. И не знал
много лет спустя. Ничто из случившегося
не изменит истину.

Это случилось в тот момент.

Я бросился вперед, вытянув обе руки
перед собой, как борец, собирающийся
произвести захват. Из моих рук вырвался
резкий, слепящий свет, парализуя и шипя,
словно разряды молнии.

Это было мучительно. Я закричал от
боли. Меня окутал блеск, скользящий по
коже таревом и очищающей энергией. Мир
взорвался серебристо-золотым потоком,
который кружился и хлестал, неистово
сиял, ревел в ушах и горел в ноздрах. Я
задыхался, ощущал, как покрываются
волдырями легкие, перестал чувствовать
ноги и остальное тело.

Я увидел размытые очертания
солдата, который отшатнулся от меня.

Услышал потрясенные и мучительные крики. Увидел, как он царапает собственные глаза. Связывающая меня веревка лопнула в облаке искр. Я отшатнулся назад, кулаки были сжаты, продолжая выпускать потоки сильного и яркого жара. Из меня, ослепляя и опустошая, вырвалась грубая стихийная энергия, субстанция грубой вселенной.

Я не представляю, как долго был погружен в это состояние, сверкая, как радужная головня, кружа по равнинам и извергая разрушение. Это могло длиться секунды, а может намного больше. Я помню ступенные образы всадников, скачущих вокруг меня, их контуры были размытыми среди потока белого пламени. Они не приближались, боясь сгореть. Я помню лица четырех людей-зверей, которые колыхались перед моим мысленным взором и указывали на меня крючковатыми жуткими пальцами.

«Ней», -- сказали они мне.

Я упал на колени. Аг бугебал, обжигая плоть, но не поглощая ее. Все тело напряглось и билось в конвульсиях.

Первое, что я увидел, это темную фигура на фоне огня. Она прошла сквозь пламя, отбросив энергетические барьеры, словно это были потоки дождя. Они не навредили незнакомцу.

Воин опустился на колени перед мной. Он казался гигантом, намного выше и шире, чем должен был быть любой живущий человек. Я посмотрел в его глаза, в то время как из моих изливался огонь. Сморгнув слезы, я увидел нечто знакомое в его глазах.

Вспомнилась окутанная светом фигура из моего видения. На миг я подумал, что человек передо мной был тем же самым существом. Скоро я понял, что это не так, но был уверен: между ними существовала какая-то связь.

Затем я почувствовал сокрушительную силу его власти. Пламя тизнуло и, колыхнувшись на ветру, угасло. Словно человек, тимоходом гасящий свечу, он остановил поток истекающего безумия. Даже тогда, скованный замешательством и болью, мой разум оцепенел, часть меня осознавала, насколько поразительным это

было.

Незнакомец все еще склонялся надо мной. Шлем венчало остроконечное навершие, как и у его людей. Доспех был прекрасного качества, края белых кожаных пластин нагрудника отделаны золотом и украшены красным бисером. Я увидел глинный шрам, тянувшийся вниз по левой щеке, который, как я слышал, был распространен у народа Талскар. У воина были глубоко посаженные и жгучие глаза, подобно которым я никогда не видел.

Вероятно, я ошибался на счет моих преследователей. Возможно, они не были киданями.

Задохаясь и дрожа, я все еще цеплялся за надежду о благородной смерти. Я попытался удержать его взгляд, уверенный, что он пришел убить меня.

Я не смог. Что-то в этом гиганте потрясло меня. Я видел, как его лицо расплывается перед моими глазами, словно отражение в воде. Он словно заглядывал в мою душу, исповедуя и обнажая ее. Я чувствовал, что теряю сознание.

--- Будь осторожен, --- сказал он.

Потом я потерял сознание, и нарастающая тьма стала такой же желанной для меня, как и сон.

Шесть дней спустя я проснулся.

Много позже я узнал, насколько опасным было для меня это время. Мой внутренний взор открылся на Улааве, но мне не показали, как им пользоваться. Я мог умереть. Со мной могло случиться нечто худшее, чем смерть, как и с остальными поблизости.

Он предотвратил это. Даже тогда, задолго до того, как Повелитель человечества показал нам путь к звездам, он знал, как управлять огнем, пылающим в разумах одаренных.

Насколько я знаю, он не обладал этим даром. Я никогда не видел, как он вызывает огонь или направляет бурю на своих врагов. Он использовал свое тело воина --- это великодушное, сильное тело --- для войны и ничего другого. Тем не менее я считаю, что он обладал каким-то врожденным знанием о небесных путях. Он был создан для игры в другой вселенной.

чтобы сражаться с теми, кто находился по другую сторону пелены, и поэтому должен был обладать, как и его братья, пониманием о скрытой, глубинной сути вещей.

Но тогда я знал только то, что он пленил меня, и по законам Алтака, я был его рабом. Получив отказ в почетной смерти, я смирился с тяжелой жизнью. Хан — мой хан, тот, которому я служил до этого — не смог спасти меня. Я увидел природу своего нового хозяина, и понимал, что он намного превосходит любого воина равнин, включая моего родича-повелителя.

Когда я проснулся, он был рядом. Я лежал на постели из шкур внутри большого гэра. В центральном очаге горел огонь, придавая наполненному дымом воздуху красноватый оттенок. Я слышал голоса, бормочущие в тенях, звуки натачиваемых клинков, оперяемых стрел.

Незнакомец смотрел на меня, а я на него.

Он был огромен. Я никогда не видел человека столь властного, неприкрыто могущественного и переполняемого едва

сдерживаемой мощью. Его крупное худое
лицо мерцало в тени и платени.

--- Как тебя зовут? --- спросил он.

У него был тихий голос. Он низким
тембром прогудел в шепчущем
пространстве.

--- Шиназ, --- ответил я. Во рту
пересохло.

--- С этого момента нет, --- произнес
он. --- Ты будешь Таргута́й Есүгэ́й,
бегущим мальчиком и сражающимся
мужчиной. Ты будешь задвин аргой моей
семьи.

Это было не предположение. По
обычаям Алтака моя жизнь принадлежала
ему, по крайней мере до тех пор, пока
другой вождь не отнимет меня силой или
мне не удастся сбежать. Я сомневался в
возможности обоих вариантов.

--- Ты пришел ко мне в начале,
Есүгэй, --- сказал он. --- Я Хан многих ханов.
Ты присоединишься к орду Джагата́й,
волне, которая пронесется по миру и
изменит его. Будь благодарен, что я
нашел тебя, прежде чем ты вернулс к
своему старому хану. Если бы я встретил

тебя в битве, ты бы умер.

Я молчал. Я еще не отошел от сна и болезни и не видел ясно его лицо. У его голоса был странный, тревожащий тембр. Я лежал на шкурах, чувствуя, как осторожно поднимается и опускается моя грудь.

--- Тебя будут тренировать, как и остальных, --- сказал он. --- Ты научишься пользоваться своим даром. Научишься понимать, когда им пользоваться, а когда нет. Ты во всем будешь следовать моим приказам. Ни один другой человек никогда не будет указывать тебе, как использовать твой дар.

Я следил, как в колышущейся темноте двигаются его губы. Когда он говорил, я видел мимолетные остатки видений с горы --- разбитые корабли, пылающие среди звезд. При его словах о завоеваниях мне вспомнились символы на кусках обуглившегося металла.

Волк. Многоголовая змея. Молния.

--- Я принес в мир новую форму войны, --- сказал он. --- Двигаться быстро, оставаться сильным, никогда не

отдыхать. Когда Алтак будет нашим, мы
принесем эту войну киданям. А после в
каждую империю между небом и землей.
Они все падут, потому что они больны, а
мы — здоровы.

Мое сердце слабо билось в груди. Я
чувствовал жар лихорадки на щеках. Его
слова были похожи на слова из сна.

— Все империи гибнут, — сказал он. —
Все империи больны. Мы выучили этот
урок. И тебе предстоит ему научиться.

Когда он говорил, я видел, как
двигается шрам на его лице. В кроваво-
красном свете рубец выглядел живым,
словно прижатая к коже бледная змея.

— Мы не будем служить империям, —
сказал он. — Мы будем в постоянном
движении. У нас не будет центра. Центр
там, где мы находимся.

Я знал, что он говорит мне о чем-то
важном, но я был слишком молод и
слишком болен, чтобы понять. Только
позже, намного позже, я смог вспомнить
эти слова и осознать истину того, что
мне поведали.

— Ты будешь служить мне, Таргутаи

Есүгэй? — спросил он.

Тогда я считал вопрос риторическим. Я был ребенком и понятия не имел, сколько может прожить человек, кем он может стать. Я считал, что на кону только пустяки: моя жизнь, вражда между кланами, старая война на Алтае.

Сейчас, с моими нынешними знаниями, я не уверен в этом. Возможно, даже в таком случае, у меня был выбор.

— Да, мой хан, — ответил я.

Он долго смотрел на меня, его глаза сияли в кровавом свете.

— В таком случае теперь ты Талскар, — сказал он. — Ты будешь отмечен, как и мы. Ты будешь носить белый шрам на лице, и все научатся бояться тебя.

Свет от костра пробежался по костяным пластинам брони.

— Пока нас не знают, — сказал он. — Так будет не всегда. Придет день, когда мы откроемся миру, сражаясь так, как я научу тебя.

Его глаза походили на драгоценные камни в ночи, пылая голодным

безграничным честолюбием.

--- И когда этот день настанет, ---
сказал он, --- когда о нас наконец узнают,
истинно говорю тебе, задьин арга, сами
боги сожмутся от страха пред нами.

У. ЦЛЪЯ РАВАЛЛИОН

Он прибыл за мной пять дней спустя, как и обещал. Все это время я торчала в пустошах Улланора, пытаюсь найти какое-нибудь пригодное для себя занятие. У меня не очень и то вышло, флоты начали покидать орбиту. Эта война закончилась, и уже ждали новые битвы.

Я занималась каталогизацией. Представляла отчеты на рассмотрение начальства. Читала заметки, сделанные после встречи с проводцем бури.

Вызов пришел без предупреждения. Я находилась в комплексе Мирта, просматривая его наспех составленные отчеты, когда моя комм-бүсина завибрировала.

--- У вас будет встреча, генерал Раваллион, --- пришло сообщение. --- Будьте готовы через час. Я отправлю за вами корабль.

Я понятия не имела, как Есүгэй

получил доступ к сети Департамента. Первое, что я почувствовала, как в животе сжался коток нервов. Я служила во многих кампаниях и отстаивала свою точку зрения перед многими могущественными военачальниками, поэтому не считала, что меня можно легко запугать, но это...

Это был примарх, один из сыновей Императора.

Я пыталась представить, на кого он будет похож. О них разное рассказывали, что они постоянно окутаны светом, что их доспехи сияют как солнце, что они могут убить словом или жестом, а один их взгляд может согреть кожу и расщепить кости.

У меня было достаточно времени подумать над этим. Корабль опоздал, что было типично для Белых Шрамов. В конце концов он приземлился, подняв облако пыли, к северу от периметра комплекса. Из своего окна я увидела белые борта и эмблему золотисто-красной толпы и почувствовала новый приступ волнения.

— Держи себя в руках, — произнесла я

вслух, в последний раз поправив недавно
полученный оружейный пояс, прежде чем
направиться к кораблю. — Он всего лишь
человек. Нет, больше чем человек. Тогда
кто? Он из плоти и крови. Смертный.
Один из нас.

Но было ли это правдой? Я
столкнулась с проблемой терминологии, с
тем, что для меня всегда создавало
трудности.

— Он за нас, — решила я. Мне было не
по себе из-за предстоящей встречи.

Транспортник принадлежал к
челнокам Легионес Астартес типа
«Хорта РВ» позднего выпуска. Я знала все
о нем. Концентрация на деталях
улучшила мне настроение.

Есүгэй ждал меня в отсеке личного
состава. На нем был обычный доспех цвета
слоновой кости. В заткнутом
пространстве он выглядел гигантом. Я
поднялась к нему по рампе, и Белый Шрам
живнул мне.

— Вы в порядке, генерал Раваллион? —
спросил он.

Я кивнула в ответ, пытаясь скрыть

свое беспокойство, как я предполагала, с некоторым успехом.

--- В полном, Есүгэй, --- ответила я. К этому времени после долгих изысканий я узнала, что проводцы бұри не носят титулов «хан». Они вообще не носят никаких титулов, видимо, их имени и призвания было достаточно. --- Еще раз благодарю за то, что устроили встречу.

За мной с воем сервомеханизмов закрылся посадочный трап. Я услышала лязг закрывающегося воздушного шлюза, и двигатели корабля запустились.

--- Пожалуйста, --- ответил он, прислонившись к металлической стене.

Размеры транспортного корабля соответствовали физиологии костогесантника. Все, даже скамьи и фиксирующие ремни были слишком велики для меня. Я сидела напротив Есүгэя и возилась с ремнями, ноги едва касались пола. Он не пристегнулся и сидел невозмутимо, положив руки на колени.

--- Позвольте спросить, генерал, --- обратился он, --- вы прежде встречались с примархом?

Двигатели продолжали наращивать мощность, и я увидела вздымающуюся пыль за крошечными иллюминаторами.

--- Нет, --- ответила я.

--- Ага! --- отреагировал Есүгэй.

С приглушенным ревом корабль взлетел, зависнув на несколько мгновений над посадочной площадкой, прежде чем продолжить подъем. Краем глаза я увидела, как сухие долины Улланора начали углубляться.

--- В таком случае могу я дать совет? --- спросил он.

Я трачно улыбнулась, чувствуя, как по моему телу прокатываются неприятные волны вибрации. Стены отсека личного состава тряслись, как кожа барабана. Мы поднимались очень быстро. Я задалась вопросом: пилоты вообще помнят о том, что везут пассажиров?

--- Да, пожалуйста, --- ответила я. --- Кто еще может его дать.

--- Обращайтесь к нему «Хан», --- посоветовал Есүгэй. --- Мы зовем его иначе, но для вас это правильное обращение.

Когда будете говорить, смотрите ему в глаза, даже если будет трудно. Шок от первой встречи может быть... сильным. Это пройдет. Он не будет пытаться запугать. Помните, для чего он был создан.

Я кивнула. Стремительный подъем транспортного корабля вызвал у меня тошноту. Я крепко вцепилась в край сиденья и почувствовала, что руки внутри перчаток вспотели.

— Сведущие люди говорили мне, что он не похож на своих братьев, — сказал Есугэй. — Даже нам сложно понять, что у него на уме. На Чогорисе мы используем охотничьих птиц. Зовут их беркутами. У Хана их душа: стреляющая вдаль, неутомимая. Он может сказать нечто на первый взгляд странное, а вы возможно сочтете это за насмешку.

Я увидела, что небо в иллюминаторах стало черным и появились крошечные точки звезд. Мы достигли верхней атмосферы невероятно быстро. Я попыталась сконцентрироваться на том, что мне говорил Есугэй.

--- Помните только вот что, --- сказал он. --- Беркүт никогда не забывает суть охоты. В конце концов он всегда возвращается на руку, которая выпустила его.

Я кивнула, чувствуя головокружение, и ответила:

--- Я запомню.

Я заметила цель нашего полета с большого расстояния: боевой корабль, огромный и отмеченный боевыми повреждениями, его наклонный нос был выкрашен в белый цвет, опознавательные огни тигали в пустоте.

Его имя было мне известно из архивов: «Бүря мечей»

Принадлежит к классу капитальных кораблей. Громадный. Модернизирован для увеличения скорости --- его двигатели огромны. Было ли это одобрено Марсом?

Я знала, что он был там и ждал.

--- Попробуйте понять его, --- невозмутимо сказал Есүгэй. --- Он может даже понравиться вам. Я видел много странного.

Мы сели в одном из ангаров «Бүри

мечей», а затем все стало происходить
очень быстро. Вместе с Есүгэем мы
прошли по глинным коридорам, поднялись
на лифтах, миновали огромные залы,
кишащими слугами и сервиторами. Я
слышала песни на языке, который не
понимала, и стех в служебных коридорах.
На корабле царила шумная,
благожелательная и немного хаотичная
атмосфера. Запах был более свежим, чем
на армейских крейсерах, на которых я
бывала, от полированного палубного
настила поднимался ступный аромат,
напоминающий ладан. Все было ярко
освещено и богато украшено цветами
Легиона — белым, золотым и красным.

К тому времени, как мы достигли
покоев Хана, я понятия не имела,
насколько далеко мы зашли. Такие
огромные линкоры были больше похожи на
города, чем боевые корабли. В конце концов
мы остановились перед
инкрустированными слоновой костью
дверьми, которые охраняли два громадных
стражника в церемониальной броне. Я
узнала грозоздкие контуры древнего

успеха тина «Гром», сильно измененного и
окаймленного золотом. В отличие от
Есүгэя, на стражниках были позолоченные
шлемы с щелями-визорами и сүлтанатами из
конского волоса.

Когда провидец бүри подошел к ним,
они кивнули, затем взяли за две
тяжелые бронзовые ручки дверей.

--- Готовы? --- спросил Есүгэй.

Я чувствовала, как колотится
сердце. Из щелей под дверьми сочился свет.

--- Нет, --- ответила я.

Двери открылись.

Долю секунды я абсолютно ничего не
увидела. Передо мной плясало размытое
пятно света, словно отражаясь от воды. Я
почувствовала чудовищную энергию,
пылающую огромную силу, гудящую внутри
своих оков, подобно скованному сердцу
реактора.

В этот момент я не была уверена,
чувствовала ли я его истинную сущность,
пронизывал ли мой малоопытный взгляд
тщательно созданную и вводящую в
заблуждение пелену или же мои чувства
просто одурманило недомогание, вызванное

подъемом с Улланора.

Я знала только одно: что должна твердо стоять на ногах и держать ухо востро. Есүгэй сказал, что это пройдет.

--- Генерал Департамент
Муниторум Улья Раваллион.

Как только он заговорил, детали комнаты прояснились, словно старую физическую пиктографию проявили в ванне с химическим раствором. Помещение было огромным, с большими высокими окнами, через которые бил отфильтрованный свет солнца Улланора.

Я неуклюже склонила голову.

--- Хан, --- ответила я, недовольная тонким звучанием своего голоса в отличие от силы его.

--- Присаживайтесь, генерал, --- предложил он. --- Вот кресло для вас.

Я подошла к нему и начала осознавать окружающую обстановку. Стены были обшиты панелями из темного отполированного материала, похожего на терранское красное дерево. Под ногами лежал толстый ковер с грубыми изображениями засушливых равнин и

всадников с конями, пригнувшихся в
седлах. Я увидела старинный книжный
шкаф, заставленный переплетенными
кожей древними книгами. На стенах
висело оружие — мечи, луки, кремневые
оружья, доспехи из разных эпох и миров.
Ощутила ароматы земли и металла,
приправленные резкими запахами оленьей
шкур, сгоревшего древесного угля и
полировочного масла.

Я села в кресле, которое было
приготовлено для меня, слушала мягкое
тикание старых часов на каминной полке
и очень слабый и далекий гул двигателей
костического корабля.

Только тогда я осмелилась взглянуть
на него.

Его узкое и такое же смуглое, как у
Есугэя лицо хранило печать благородства,
живого ума, а также чувства собственного
достоинства. С бритой головы свисал чуб
черных как сталь волос, затянутый
золотыми кольцами. На обветренном
усатом лице выделялся орлиный нос. Под
жесткими бровями блестели
глубокопосаженные глаза, напоминая

желчужины в бронзовой оправе.

Его огромное тело вытянулось в кресле, которое было вдвое больше меня. Одна рука в перчатке покоилась на подлокотнике из слоновой кости, другая непринужденно свисала с края. Я представила огромную кошку, которая развалилась в рассеянной тени и отдыхала в перерыве между охотой.

Я едва могла пошевелиться. Сердце колотилось.

— Утак, — произнес Хан. Он говорил в изысканной патрицианской манере. — Чем вы хотели поговорить со мной?

Я посмотрела в блестящие глаза, чтобы ответить. И в этот момент с ужасом поняла, что не могу вспомнить.

Тогда к беседе присоединился Есүгэй, подойдя к притарху и спокойно разъяснив обстоятельства нашей встречи на Уланоре. Позже я поняла, что он все это время стоял рядом со мной на случай сильного потрясения. Я никогда не забуду эту любезность с его стороны.

Пока он говорил, а Хан отвечал, я пришла в себя. Выпрямившись в кресле,

выполнила свое задание во всех деталях. Даже в этот момент я была поражена иронией происходящего. Единственное, на что я всегда могла положиться -- моя память -- в миг отключилась при виде находящегося передо мной гиганта.

-- Так что они еще хотят от нас? -- сухо спросил Хан, по-прежнему говоря с Есүгэем. -- Больше завоеваний? Быстрее?

У него был тон уставшего мудреца, потакающего мелким делам существ, значительно уступающих ему внешним видом и величием. В отличие от Есүгэя он превосходно говорил на готике, хотя и с таким же сильным акцентом, что и провидец бұри.

-- Лорг, -- сказала я, надеясь, что мой голос не дрожит, -- у Департамента нет жалоб на скорость действий Пятого Легиона.

Хан и Есүгэй повернулись и посмотрели на меня.

Я сглотнула и почувствовала, как пересохло в горле.

-- Дело скорее в другом, -- продолжила я, с трудом выдерживая взгляд примарха. --

Старшему стратегу сложно
фиксировать точную схему ваших
перемещений. Это влечет последствия.
Мы не можем снабжать вас так, как вы
того желаете. Не можем координировать
сопровождающие вас полки Армии. Вы
должны были встретиться с 915-м
экспедиционным флотом, но мы до сих пор
не получили подтверждения о вашем
дальнейшем пункте назначения.

Лицо Хана походило на маску. Его
выражение не изменилось, хотя я уловила
недовольство.

Я чувствовала себя нелепо. Он был
абсолютным воином, машиной, созданной
Императором для уничтожения миров, и
не хотел обсуждать систему логистики.

--- Думаете, генерал, --- спросил
примарх, --- что вы первая, кто жалуетесь
мне на это?

Его тон --- небрежный, утиный,
безразличный --- подавлял. Сомневаюсь, что
он этого хотел, но ощущение было именно
таким.

Они могут убить словом.

--- Нет, лорд, --- сказала я, пытаюсь

сохранять спокойствие и не отвлекаться от своей задачи. -- Я знаю, что с Терры в ваш штаб было отправлено семнадцать обращений на уровне Легиона.

-- Семнадцать, даже так? -- удивился он. -- Я сбился со счета. И что вы надеетесь добавить к ним?

-- Эти делегации не хотели честно разговаривать с вами лично, лорд, -- сказала я. -- Я надеялась, что если смогу четко объяснить ситуацию, то мы выработаем новую систему логистики. Именно это Департаменту очень хотелось обсудить.

Как только я произнесла слова «новую систему логистики», то сразу поняла, что у меня ничего не выйдет. Примарх смотрел прямо на меня, наполовину озадаченный, наполовину раздраженный. Он сдвинулся в кресле, и даже в этом малейшем движении я почувствовала тщетность своих попыток.

Хан терпеть не мог сидеть. Он разговаривать. Ненавидел находиться на своем линкоре. Он хотел быть на войне, погрузить с головой в преследование,

использовать свою феноменальную силу в вечной погоне.

Он никогда не забывает суть охоты.

--- Вы терранка? --- спросил примарх.

Вопрос раздался неожиданно, но я вспомнила слова Есугэя и не моргнула.

--- Да, лорд.

--- Я так и думал, --- сказал Хан. --- Вы думаете, как терране. В моем Легионе есть воины --- терране, и они думают схожим образом.

Он слегка наклонился вперед, сложив руки перед собой.

--- Вот чего вы хотите, --- сказал он. --- Видеть, как легионы маршируют от Терры стройными рядами, бредут, как агүүн, оставляя за собой след, ведущий к родному миру, по которому вы сможете провести ваши конвои с оружием и провизией. У вас такой образ мышления, потому что ваш мир, состоящий из городов и оседлых народов, сложен и нуждается в связях.

Он был прав. Этого я и хотела.

--- Это не то, чего хотим мы, --- сказал Хан. --- На Чогорисе мы научились

сражаться без центра. Мы брали свое оружие и лошадей с собой, двигались так, как диктовал ход войны, и не привязывались к одному месту. Никогда.

Пока он говорил, его глубокопосаженные глаза, не отрываясь, смотрели на меня, а голос ни разу не повысился. Он не был зол на меня, говорил спокойно, как строгий родитель, объясняющий простую истину ребенку.

— Армии, с которыми сражались, были многочисленнее наших, — сказал он. — Нашим преимуществом была мобильность. Они не могли ударить в наш центр, потому что его у нас не было. Мы не забыли этот урок.

Тогда я поняла, почему все наши делегации не произвели на него впечатления. Трудности с координацией Белых Шрамов не были связаны с их легкомыслием — это был принцип их действий, доктрина войны.

Возможно мне следовало тогда промолчать и принять провал своей миссии, но я не хотела оставлять вопрос неразрешенным. Сражаться на Чогорисе

верхом на лошади это одно, крестовый поход триллионов солдат по галактике --- другое.

--- Но, лорд, --- сказала я, --- после Улланора крупнейшие армии орков не остались. Мы наступаем, не защищаемся, и такая работа требует координации. Извините меня, но вы конечно согласитесь, что Терре ничто не угрожает. Не осталось никого, кто мог бы противостоять нам.

Хан посмотрел на меня холодным, усталым взглядом. Мои слова не впечатлили его. Я почувствовала весь груз его разочарования, и это было тяжело вынести.

--- Не осталось никого, кто мог бы противостоять нам, --- повторил он тоскливо. --- Я вот думаю, Есүгэй, сколько раз и в скольких забытых империях произносили эти слова.

Он больше не обращался ко мне, обсуждая пути истории со своим сородичем. Про меня забыли, также как про всех остальных, кто пытался ограничить его жесткими рамками

Ципериута. Для него я была никем, а работа Департамента бесполезной. Месяцы путешествия, исследований, подготовки — все было впустую.

Я была разгневана на себя, и вся горела от разочарования. Сидеть лицом к лицу с самым великим могучим воином, которого встречала за всю жизнь, и не воспользоваться возможностью повлиять на него.

Я ошибалась, и как оказалась, в обоих смыслах.

Он ворвался без предупреждения и уведомления. Двери распахнулись с глухим стуком, заставив меня вздрогнуть.

На плечи была наброшена толстая мантия из волчьих шкур, которая развевалась с каждым громким шагом. Его доспех был цвета белого золота с перламутровым отливом, края отделаны ковкой бронзы, а нагрудник украшен блестящим, гранатово-красным оком. Гость излучал величие — тела, разума, духа, и двигался с благородной решительностью и уверенностью воина.

Конечно же, я видела его никты. Все

видели. Я никогда не надеялась увидеть
его вблизи, оказаться в присутствии
легендарной личности, о которой ходило
столько передаваемых шепотом слухов.

Я сжалась в своем кресле, крепко
обхватив подлокотники, боясь потерять
сознание или сделать что-нибудь глупое.

Хан вскочил на ноги, поспешив
поприветствовать его появившейся на
лице улыбкой. Меня тут же забыли,
обычное пятно на фоне блеска
воссоединившихся богов.

— Мой брат, — произнес Хан, обнимая
его.

— Джагатай, — ответил Гор
Лүперкаль.

В груди колотилось сердце. Я была в
ужасе от мысли, что один из них
повернется ко мне и спросит, что я тут
до сих пор делаю. Я хотела уйти, но не
остеливалась пошевелиться, не получив
разрешение, поэтому оставалась на месте,
желая, чтобы кресло свернулось надо мной.

При виде магистра войны меня
должны были наполнить благоговение и
счастье. Я должна была почувствовать,

как мое сердце пылает от гордости и признательности, что я --- одна из триллионов смертных --- находилась в присутствии избранников Императора. Но какой-то причине, единственное, что я чувствовала --- это страх. Мои костяшки побелели. Я молчала. Было такое ощущение, словно по комнате пронесся холодный ветер, остудив ее и заставив мою душу дрожать.

Хан представил Есүгэя, и, как обычно спокойный и невозмутимый провидец бури, сделал шаг вперед. Затем взгляд Гора --- его жуткий, изучающий взгляд --- переместился от его брата ко мне.

Мое сердце словно остановилось. Я была неспособна хоть как-то среагировать или просто отвести взгляд. Это был чистый, первобытный ужас, подобный которому испытывала жертва, понимая, что не сможет сбежать.

--- А кто она? --- спросил Гор.

Хан взял за руку брата.

--- Одна из бюрократов Сигиллита, --- примарх Белых Шрамов бросил на меня быстрый взгляд. --- Я ей доверяю.

Когда они отвернулись, вернувшись к своему разговору, у меня возникло ощущение, словно голову освободили от железных тисков.

Если с Ханом было тяжело общаться, то Гор просто ошеломял. Двое примархов были одинаково скроены — Хан был даже немного выше, но для меня было очевидно, почему Император именно Гора выбрал своим оружием. Динамизм жестов, открытое лицо, ощущение естественной мощи, исходящей от украшенного доспеха и наполнявшей всю комнату. Даже охваченная необъяснимым страхом, сгущившим меня, я поняла, почему люди боготворили его.

Я старалась приутирить увиденное со своими ощущениями. Хан и Гор несомненно были братьями. Они разговаривали и подначивали друг друга, как братья, обсуждая дела галактического масштаба, не подвластные моему пониманию, словно они были деталями игры, предназначенной для их развлечения и споров. Тем не менее, примархи не были одинаковыми. Хан подавлял, выглядел задумчивым, суровым,

внушительным.

Гор был... кем-то гружим.

Их разговор был коротким. К тому времени, как я остелелась прислушаться, он почти закончился.

--- И все-таки, поверь, мне стыдно за это, брат, --- сказал Гор извиняющимся тоном.

--- Ты не должен стыдиться, --- ответил Хан.

--- Если бы был другой выбор...

--- Ты не должен объяснять. В любом случае я уже дал тебе мое слово.

Гор посмотрел на Хана с благодарностью.

--- Знаю, --- сказал магистр войны. --- Твое слово --- кремень. Уверен, для нашего Отца тоже.

Хан поднял бровь, и Гор застесался. Смех стягнул его черты. Магистр войны излучал необузданную энергию, словно в его воинственных чертах отражалась частица сияния и совершенства воли Императора.

--- Все не так плохо, --- сказал Гор. --- Чондакс --- бесплодная пустошь и подходит

для сильных сторон твоего Легиона. Ты получишь удовольствие от охоты.

Хотя Хан довольно быстро кивнул, но для меня это походило на жест того, кто знает, как лучше всего выйти из непростой ситуации.

--- Мы не рвемся к славе, --- сказал он. --- Остатки орды Уррлака должны быть уничтожены, а у нас есть все для этого. Но что потом? Меня это волнует.

Гор хлопнул по плечу Хана. Даже это обычное движение --- легкое изменение позы, взмах рукой --- выдавало в примархе воина. Каждый жест был в высшей степени изыщен, исключительно рационален, наполнен властной, чрезмерной энергией. Они оба были существами более высокого порядка, только слегка скованные материей смертного существования.

--- Затем мы снова должны сражаться вместе, ты и я, --- сказал Гор. --- Последний раз это случилось слишком давно, и я скучаю по тебе. С тобой все становится проще. Так что будь добр, не исчезай.

--- Меня всегда можно найти. Когда все закончится.

Гор искоса взглянул на него.

--- Когда все закончится, --- повторил он. Затем выражение его лица стало серьезным.

--- Галактика меняется. Я многого не понимаю в ней, и многое мне не нравится. Воины должны держаться вместе. Надеюсь, я смогу призвать тебя, когда придет время.

Двое примархов посмотрели друг на друга в глаза. Я могла представить, как они сражаются вместе, и мне стало от этого не по себе. Такой союз потряс бы галактику до основания.

--- Ты знаешь, что можешь, брат, --- сказал Хан. --- Так всегда было между нами. Ты призываешь, я прихожу.

Я услышала искренность в его голосе, он говорил то, что думал. Кроме того я услышала восхищение и теплоту. Они были высечены из одного камня.

Затаив дыхание, я почувствовала, что здесь происходит нечто важное, нечто необратимое.

Ты призываешь, я прихожу.

После этого они вместе вышли из

комнаты, идя в ногу и беседуя. Есүгэй
вышел с ними.

В покоях стало тихо. Я слышала
тиканье часов, такое же громкое, как
собственное сердцебиение. Долгое время я
не шевелилась. Гнетущее чувство страха
медленно прошло. Когда я наконец разжала
пальцы на подлокотниках кресла, меня все
еще трясло. В голове проносились мысли и
образы, сталкиваясь в безумном потоке
ошеломляющих впечатлений.

До меня медленно дошло, что я
осталась одна в сердце линкора Легиона,
не имея понятия, как отсюда выбраться. Я
догадывалась, что мое звание немного
значило в этом месте.

Это было не самое худшее. На
краткий миг я увидела путь, по которому
на самом деле направляли Великий
крестовый поход, и от этого моя
ничтожная роль казалась даже еще более
незначительной, чем мне представлялось.
Мы были ничем для них — этих
закованных в броню богов.

Когда я задумалась над этим, сама
попытка обсудить военную политику с

примархом показалась не тщеславиет, а скорее безумиет.

Тем не менее я увидела примархов. Бесчисленные кадровые военные с радостью отдали бы свои жизни, чтобы оказаться на моем месте. Несмотря на провал моей миссии, это стоило того.

Я, покачиваясь, поднялась с кресла, собираясь выйти в коридор. Мне не нравилась перспектива снова встретиться с тех стражников.

Как оказалось, мне и не надо было. Вернулся Есүгэй, бесшумно скользнув через двери и заговорщицки улыбнувшись.

— Что ж, — произнес он, — это было неожиданно.

— Действительно, — ответила я все еще слабым голосом.

— Примарх и магистр войны, — сказал Есүгэй. — Вы хорошо справились.

Я засмеялась, скорее от спавшего напряжения, чем чего-нибудь еще.

— Серьезно? — спросила я. — Я почти потеряла сознание.

— Бывает, — сказал он. — Как вы себя чувствуете?

Я закатила глаза.

— Я сделала из себя посмешище. Это была пустая трата времени, вашего времени. Прошу прощения.

Есүгэй пожал плечами.

— Не извиняйтесь. Хан ничего не делает впустую.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Мы скоро отправляется на Чондакс, — сказал он. — Будет охотиться на орков. Хан знает о предстоящей задаче. Он прислушался к вам и попросил меня передать, что, если пожелаете, можете присоединиться к нам. Нашему күрүлтаю нужен опытный советник, который не побоится сказать правду, которую мы не хотим слышать.

Есүгэй снова улыбнулся.

— Мы знаем нашу слабость, — сказал он. — Все меняется. Мы должны измениться. Что вы думаете об этом?

Минуту я едва могла поверить в услышанное. Подумала, что он, должно быть, шутит, но догадалась, что он это делает нечасто.

— Вы отправляетесь на Чондакс? —

спросила я.

--- Не знаю, --- ответил он. --- Может и нет. С нами вам будет непросто. Для чужих мы кажется странными. Возможно вам будет лучше в вашем Департаменте. Если это так, то мы пойдем.

Пока Есүгэй говорил, я приняла решение.

Чувство было волнующим, похожим на прыжок в неизвестность, что было несвойственно мне, так же как и приключившаяся со мной временная забывчивость. Учитывая события последних нескольких часов, мне было несложно поверить, что судьба дает мне шанс чего-то добиться, стать чем-то большим, чем безымянной шестеренкой гигантской машины. Увольнение с действительной службы было близким, и такой шанс больше никогда не выпадет.

--- Вы правы, я не понимаю и почти ничего не знаю о вас, --- призналась я.

Я попыталась сохранить голос твердым, говорить более уверенно, чем чувствовала себя. Я словно стаялась, наполовину от волнения, наполовину от

страха.

--- Но обязательно узнаю, --- добавила я.

Нам понадобилось еще два дня, чтобы добраться до центра. Мы с Торгуном все это время сражались вместе, сочетая наши непохожие умения и стараясь не отменять приказы друг друга. В одних случаях я жаждал продолжать наступление, и он не возражал, в других соглашался с его желанием зачистить район, прежде чем покинуть его.

Не всегда было просто. Мои воины неохотно взаимодействовали с его братьями. Мы не слишком часто общались, я встретился только с одним из его лейтенантов, суровым воином по имени Хакил, и даже тогда обменялся с ним едва ли парой слов. Несмотря на это, мы учились друг у друга. Я убедился, что мы можем перенять некоторые тактические принципы Торгуна, и надеялся, что он придерживается того же мнения и о наших умениях.

К моменту прорыва в центр Дробилки мы потеряли больше воинов, чем

за все предшествовавшие годы кампании. Мое братство было сильно потрепано, его боеспособность снизилась почти до двух третей от первоначальной. Я не сожалел об этом. Никто из нас не сожалел. Мы всегда понимали, что зеленокожие будут упорно сражаться за свой последний плацдарм, и те, кто погиб, пали как воины.

Тем не менее, будь на то время, я бы оплакал Бату, который всегда был близок мне, а также Хаси, у которого была жизнерадостная душа. Сутей он выжить, то добился бы многого.

Сангджай извлек их бессмертные органы, и таким образом частице каждого из них было предназначено жить дальше в деяниях других. Как обычно, мы собрали их доспехи и оружие, а мертвые тела оставили, чтобы вернуть земле и небу Чондакса. Даже в защищенных от сильного ветра ущельях останки наших братьев начинали разлагаться прямо у нас на глазах. Я знал, что плато, за которое мы так яростно сражались и пролили много крови, сейчас снова очищено, став

белоснежным, пустым, глуким.

Я видел памятники, воздвигнутые Империи на Уланоре, и восхищался ими. Они будут стоять тысячелетия. Ничего подобного не останется на Чондаксе, чтобы запечатлеть наше присутствие. Мы были похожи на призраки, которые тчались по пустошам, стремительно убивая, прежде чем исчезнуть навсегда.

Но битва была достаточно реальной. Беспощадная, непрерывная, жестокая битва — вот что было реально. Достигнув центра, мы были изнурены и измотаны неослабевающим сопротивлением орков. Мой доспех стал бурым от кровавых пятен. Нагрудник покрыли щербины и вмятины, шлем усеяли зарубки от клинков. Мышцы, подготовленные для непрерывных войн тренировками и генетическими изменениями, постоянно изводила тупая боль. Я не спал много дней.

Но когда мы достигли последней вершины и, остановившись на краю длинного утеса, узрели цель этих усилий, наш дух воспарил.

Мы увидели последнюю гору, покрытую ржавчиной крепость врага, и улыбнулись.

* * *

Это была широкая, круглая впадина, словно вырезанная в изломанном ландшафте гигантской ложкой. Мы стояли на ее южном краю, глядя в центр. Скалы на противоположной стороне едва были видны из-за пыли и большого расстояния. Дно долины было гладким и пустым, бесплодное пространство голых скал, которое мерцало в свете солнца. Земля перед нами плавно снижалась почти на двести метров, затем снова выравниваясь.

В центре впадины стояла цитадель — скалистый шпиль, зазубренный и растрескавшийся за долгие годы. Он тянулся ввысь, словно охотничье копье, пронзившее тучу. Крепость поднималась более чем на двести метров, разделяясь на

несколько узких пиков, которые блестели в солнечном свете, как раздробленная кость.

У орков было много времени, чтобы поработать над горой. Они окружили ее стенами и башнями, которые были соединены между собой винтовыми лестницами. Фланги цитадели оцепинились орудиями, а из основания извергались столбы черного дыма. Внутри рычали колоссальные машины — двигатели, генераторы, кузны. Я полагал, что их извлекли из усеянного пещерами костячского скитальца, возможно, давнего, рухнувшего на мир и медленно превращенного в сердце последнего оплота орков.

У цитадели было множество входов, прикрытых тяжелыми воротами из ржавого железа. Тысячи зеленокожих толпились на бастionaх и вызывающе ревели. Я догадывался, что внутри скрывалось еще больше орков, ожидавших предстоящий штурм.

Возле вершины беспорядочного нагромождения соединенных друг с другом сооружений — кривых стен и шатких

орудийных платформ — в грубом подобии
гигантской головы зеленокожего
расположилась гряда скрепленных болтами
металлических листов. Я видел
десятиметровые клыки и пылающие
глазные впадины, каждая размером с
человека. Угловатый череп был заляпан
пятнами красной и желтой краски. По
поверхности плясали полосы лимонно-
зеленого света, указывая на наличие
примитивных щитов.

Сооружение могло быть каким-то
религиозным артефактом, или может
быть логовом касты шаманов, или же
искусно построенным бункером для
элитных воинов. Возможно, там обитал
их вождь, затаившийся как жирное
насекомое в темноте, в то время как
повсюду утирали его слуги.

Уровень мастерства удивил меня.
Мы никогда не видели, чтобы орки
возводили такие сооружения, даже во
время бои на Улланоре.

Когда я пристотрел к нему, мне
открылась истина. Зеленокожие быстро
учились. Мы всегда знали об этой их

особенности. Если брошенные против них силы не уничтожали полностью орков, тогда ксеносы в конце концов обращали любое оружие против его хозяев. Даже сейчас, разгромленные и лишенные надежды, они по-прежнему работали над новыми орудиями разрушения.

Вид оружия, которое мы использовали для победы над ними, пробудил вдохновение в их звериных разумах. Ведомые удивительной способностью к копированию они продолжали трудиться.

Зеленокожие строили титан.

Я отметил пути к этой нелепой голове — раскачивающиеся мостики, грубо высеченные лестницы, грохочущие подъемники — и быстро запомнил их, зная, что как только мы окажется внутри цитадели, у меня не будет времени, чтобы сориентироваться.

Уже сейчас я слышал далекие отголоски стрельбы с противоположной стороны широкой долины. Дисплей шлема показывал сигналы других братств, приближающихся с севера, востока и

запага. Некоторые отделения уже
выскочили из укрытий и встретились внизу
по глинным склонам впадины к крепости.
Орудия на стенах открыли огонь, осыпая
снарядами приближающиеся эскадроны
гравициклов.

Я повернулся к Торгуну, который, как
обычно, стоял рядом, и спросил:

--- Готов, брат?

--- Готов, брат, --- ответил он.

Я протянул руку по чогорисийской
традиции --- раскрытой ладонью. Он пожал
ее. Если бы мы были воинами Алтака, то
порезали ладони, чтобы наша кровь
стесшалась.

--- Да пребудет с тобой Император,
Шибан-хан, --- пожелал он.

--- И с тобой, Торгун-хан, --- ответил я.

Затем мы активировали свои
клинки, поддали газу нашим машинам и
встретились в атаку.

Так как я был ханом, то мог забрать
один из уцелевших гравициклов братства
у владельца, но решил не делать этого. Я
не видел смысла отбирать у моих воинов
их машины только потому, что потерял

свою.

Поэтому я бежал, как и остальные воины, чьи гравциклы были уничтожены. Мы хлынули вниз по склону, крича и наполняя лезвия клинков шипением энергии. Более сотни воинов бежало бок о бок с гиканьем и ревом, размахивая над головами глефами и талварами. Над нами пронеслись уцелевшие гравциклы, ведя сокрушительный огонь из тяжелых болтеров и тчась вперед к стенам.

Я смотрел на них с завистью и восторгом, видел, как всадники великоленно контролируют свои машины, как они разворачиваются и атакуют в сверкающем солнечном свете. Они были такими естественными, такими непринужденно смертоносными. Я жаждал быть среди них.

Лишенный этой грубой силы я быстро бежал, используя прирожденную скорость и несравненную механическую мощь успеха. Я чувствовал, как работают мышцы, накачиваемые сверхдозой адреналина и боевыми стимуляторами. Мои братья атаковали вместе со мной,

поднитая пыль безущими ногами.

Краем глаза я увидел, как в долину
высыпались другие воины. Вершины
достигли десятки, затем сотни. Целые
братства покидали укрытия и
устреплялись на открытое пространство.
Я не стал считать, но прежде чем
добрался до стен, должно быть, тысячи
братьев шли на штурм. Я не видел
столько Белых Шрамов с момента
высадки на планету. Мы снова были
вместе, воссоединившись в блеске нашей
страшной объединенной мощи. Шум
происходящего -- боевые кличи по воксу,
топот сапог, сотрясающий рев
гравитационных -- потряс меня до глубины
души.

Вся впадина наполнилась свистом и
грохотом приближающего огня. Воздух
усыпали разрывы примитивных зенитных
снарядов, сбив несколько машин, прежде
чем они смогли открыть огонь из
болтеров по стенам. На нас обрушился
артиллерийский огонь, разрывая
выветренные скалы и рассеивая целые
отделения атакующих воинов. Дали залп

огромные, короткоствольные орудия, перепыхивая снарядами землю на нашем пути.

Я чувствовал, как заработало второе сердце, и наслаждался бегущей по венам кровью. Длинные волосы хлестали на сильном ветру. Гуань дао грожало от жутко голодного расщепляющего поля, страстно желая снова вонзиться в плоть.

Я перепрыгнул дымящиеся воронки и обогнул кучи пылающих обломков, с каждым шагом увеличивая скорость. Мы были подобны разрушительной белой волне, хлынувшей в долину со всех сторон и встретившейся к пылающей вершине в ее центре. Все несло, бежало, тчало и сверкало белыми, золотыми и кроваво-красными пятнами. По нам скользили тени гравциклов, которые разворачивались для захода в опустошительные атаки. Разрушенные стены уже пылали, выпуская столбы едкого дыма.

Мы добрались до одних из множества врат, только что уничтоженных залпами тяжелых болтеров и ракетами.

Навстречу бросились орки, брызжа от радости слюной. Они были крупнее всех, что я встречал на Чондаксе, почти такие же огромные, как некоторые из чудовищ, которых мы видели на Улланоре. Зеленокожие тяжело двигались прямо на нас, спотыкаясь на своих когтистых ногах, чтобы сойтись в рукопашной. Мы прорвались через обломки ворот и врезались ксеносов, кружа, кромсая, взрывая, избивая. Две орды — одна ослепительно белая, другая — тошнотворно зеленая — схлестнулись в буйстве клинков, пуль и размахивающих рук и ног.

Я рванул вверх по сыпучему склону, размахивая глефой. Орки встретились навстречу, отбрасывая в сторону обломки скал и поднимая пыль. Я ворвался в их ряды, выписывая дуги клинком. Мерцающее лезвие глефы разрезало железную броню, кожу и кости, разбрасывая ошметки. Я рубил орков, прежде чем они понимали, что я в пределах досягаемости. Каждый удар наносился чисто и с сокрушительной силой, после чего глефа встретила

следующей цели. Повсюду гремела стрельба моих братьев, кромсая легкую броню на осколки, а плоть на куски окровавленного мяса.

В эти минуты, устремившись в битву под ярким светом трех солнц, мы стали бурей. Нас было не одолеть: слишком свирепые, слишком искусные, слишком стремительные.

В окружении Джучи и других воинов тинган-кешика я рвался вверх, пробивая путь через разрушенные ворота в шаткий лабиринт разваливающейся цитадели. Все больше и больше орков бросалось на нас, прыгая с гофрированных крыш и пылающей сети подмостков. Я врезал по торге одному из них, расколов череп на кровавые осколки, после чего развернулся и вбил сапог в живот другому. Глефа разбрызгивала вокруг потоки крови, орошая доспех и линзы шлема.

--- Внезг! --- заревел я, подпитываемый агрессией и энергией. --- Внезг!

Вместе со мной мчались мои братья, взбираясь по лестницам, чтобы добраться

до зеленокожих на платформах и
очистить от них бастионы. Когда один из
нас падал, другой занимал его место. Мы
не давали врагам времени, чтобы
передохнуть, подумать, среагировать. Мы
использовали нашу скорость и силу, чтобы
уйти от опасности, а затем тут же
вернуться с шипением силового оружия.
Цитадель заполнили тела, тысячи тел,
сошедшиеся в ближнем бою среди
пылающих башен, убивающие и гибнущие в
огромном количестве. Оглушающий шум
битвы, усиленный и искаженный
замкнутым пространством, сотрясал
башни и поднимал столбы пыли.

Пробиваясь наверх, я потерял из виду
Торгуна. Со мной оставались только мои
братья, которых я вел в крестовом походе
на протяжении столетия войны. Мы
наступали вместе, сметая всех, кто
попадался нам на пути, крича и смеясь в
абсолютном восторге от битвы. Мой
успех звенел от непрерывных попаданий,
но я ни разу не затеделся. Ко мне
устраивались неуклюжие взмахами
кинжиков врагов, но я отражал их и убивал

их хозяев. В ушах грели крики и вопли зеленокожих, и этот звук только разжигал во мне жажду убийства. Я вдыхал вонь орочьих тел, их грязи и крови, горячий тусклый испражнений чужаков. Повсюду, в каждом зловонном уголку этого убогого места, был слышен лязг оружия, каждая ржавая поверхность вспыхивала отражением дульной вспышки.

От этого я чувствовал себя живым. Неодолимым. Бессмертным.

— За Казана! — закричал я. В груди пылал огонь, а глаза сверкали, когда я рвался вверх, все время вверх.

Я знал, что он будет где-то там. Я буду убивать и убивать, самозабвенно истреблять всех до единого орков, доводя свое тело до пределов выносливости, только ради шанса увидеть его.

Что бы ни думал Торгун, я верил, что снова увижу его в бою.

И после того как это случится, все, что происходило на Чондаксе на протяжении долгих, долгих лет охоты, все будет оправдано.

Я знал, что он будет там.

На бегу я мельком заметил бой, разгоревшиеся на нижних флангах цитадели. Везде свирепствовали схватки. Орудийные платформы и оборонительные башни были переполнены сошедшими в рукопашном бою бандами зеленокожих и сплоченными группами Белых Шрамов. Все было охвачено бушующим пламенем, которое подпыхивало взрывающиеся топливные склады в недрах строения. Сравнив в долину продолжали стекаться тысячи воинов, чтобы присоединиться к битве. Тысячи защитников поднимались им навстречу, выбираясь из дымящихся нор и бункеров со свирепым и неистовым отчаянием на перекошенных лицах.

Что касается нас, мы взобрались быстрее и выше всех остальных. Цепляясь за торчащие металлические опоры, мы поднялись по разрушенной и пылающей шахте подъемника и оказались на широкой и ровной платформе, подвешенной между вытянутыми каменными вершинами. Со мной были Джучи и десятки других братьев, их обугленные и потрескавшиеся доспехи блестели пролитой кровью.

На гальвеем конце платформы висела нижняя челюсть огромной орочьей головы, которую я видел со скал. Она была даже больше, чем я предполагал — двадцать метров в высоту и ширину. Окружая громада из склепанных металлических отходов и ржавых обломков висела среди плотного переплетения из мостиков и опор, словно гигантский железный дирижабль.

Я начал отдавать приказ об атаке, но запер на полуслове. Конструкция издала низкий скрежещущий рев, от которого шаткие помосты вокруг нас затряслись. Я старался удержаться на ногах, пока хрупкая платформа под ногами сильно раскачивалась.

Тяжелая металлическая плита отделилась от основания причудливой искусственной головы и лязгнула с платформы. Затем рухнула еще одна, открыв раскаленное, наполненное дымом внутреннее пространство. Я услышал звук отходящих поршней и шипение запущенного подъемного механизма. Из отверстия вырвался землистого цвета

дым и встретился по платформе в нашу сторону.

— Уничтожить, — приказал я и уперся ногами в дрожащий металл, держа гуньгао одной рукой и вытянув болт-пистолет другой.

Я открыл огонь, присоединив свои снаряды к потоку, выпущенному моими братьями. Залп встретился в неровную брешь у основания головы. Я слышал гулкие взрывы снарядов и приглушенные вопли ярости. Мы в кого-то попали. У ету было больно.

Только тогда, ревя и что-то невнятно крича, появился он.

Орк вырвался из основания головы, став остатки стен пьяной, пошатывающейся поступью, обломки которых разлетелись градом дымящегося металла. Появилась огромная, увитая мышцами рука, затем вторая, а после громадное и непомерно широкое тело. Показалась чрезмерно раздутая голова с выступающей челюстью и слюнявыми губами, усеянная скоплениями влажных нарывов и отмеченная гноящимися

шаратами.

Я увидел два желтых водянистых глаза под низкими бугристыми бровями. Когда тварь снова заревела, стали видны скрежещущие клыки, а из открытой пасти вылетели капли густой слюны. Жирное тело зеленокожего тряслось, от чего фрагменты брони на нем и прицепленные кисти колыхались, словно водоросли на корпусе рыскающего корабля.

Я никогда прежде не видел такого огромного орка. Когда он шагнул на платформу, опоры под ней согнулись под его весом. Руки были заключены в металлические оболочки, от которых тянулись трубки пряником в плоть и сухожилия. На кулаки были надеты железные перчатки, каждая из которых была больше моего тела. Но нити текли волны зеленой энергии, шипя при соприкосновении с кожей ксеноса.

Он вонял едкой смесью звериного тускуса, машинного масла и серных выхлопов генераторов защитного поля.

Конечно же, я прежде видел вождей зеленокожих, гигантских сатцов,

вызывающе ревущих в небеса и бросающихся в бой с безудержной энергией. Тех чудовищ влекла свирепая жажда битвы, нестерпимая страсть крушить, убивать, уничтожать и питаться.

Этот был другом. Он был сплавлен с рычащими механизмами, встроенными в его броню, как огни из наших лоботомированных оружейных сервиторов. Неужели они и этому научились от нас?

И его гнев был иным. Издаваемые им звуки, его движения, отсутствие концентрации в звериных глазах — все было иным. Тогда я понял, что происходило с зеленокожими, когда не оставалось ничего кроме поражения. Они не впадали в слепую ярость, ни просили о пощаде, не испытывали в конце концов страх перед своим врагом.

Они сходили с ума.

— Убить его! — заревел я, целясь в голову.

Мы стреляли из всего оставшегося у нас оружия прямо в зеленокожего и смотрели, как снаряды взрываются на защитном поле. Джучи бросился в атаку.

ныряя и кружа под трассерами, чтобы сойтись в рукопашной схватке. Ужасный удар отправил его кувырком за край платформы, нагрудник был снят. Остальные братья попытались сделать то же самое, двигаясь с привычной скоростью и мастерством. Ни один из них даже не приблизился — железные перчатки отшвыривали их и сбивали с ног, словно они были дети. Огромный и безобразный монстр бросился вперед, размахивая кибернетическими руками и пуская слюну в прыстуне лихорадочного безумия.

Я вложил в кобур пистолет, обхватил обеими руками гуань дао и перешел на бег, чтобы сойтись в ближнем бою. Орк увидел мое приближение и, раскачиваясь, пошел мне навстречу, размахивая огромными неуклюжими руками. Я нырнул под одну из перчаток и развернулся, целясь глефой в кисть твари.

Лезвие заскрежетало о защитное поле, выбросив снап искр. За резким звуком последовала вонь кордита, и мерцающий барьер над руками орка, мигнув, отключился.

Прежде чем я смог воспользоваться
добытым преимуществом, зверь
развернулся, ударив вторым кулаком снизу.
Я попытался увернуться, но перчатка
тяжело врезалась в мой бок.

Меня отбросило. Я загремел по
платформе, по-прежнему сжимая древко в
руке. Мир закрутился вокруг, и я мельком
заметил самую высокую башню крепости,
раскачивающуюся по небу.

Я остановился, понимая, что
чужовище будет прямо за мной. Вскочив на
ноги и развернув щель, я снова ударил,
отрубив один из кабелей, который тянулся
с плеч орка. На меня хлынула горячая и
зловонная жидкость. От контакта с
расщепляющим полем клинка она
воспламенилась, окутав нас обоих ярким
горящим зеленым пламенем.

Я продолжал атаковать, выписывая
гуань дао размытые зигзаги и пробуя на
прочность защитное поле.

У меня не было шанса. При всей своей
огромной массе он был невероятно быстр.
Закованный в железо кулак угодил мне
ниже горла с силой ушедшего в занос

«Носорога». Во второй раз меня свалили с ног. Я почти потерял сознание и отлетел к дальнему концу платформы, видя, как приближается охваченный огнем край, и слепо пытаюсь схватиться за что-нибудь. Рука почти сошлась на расколоте обломке, но проржавевший металл раскрошился в моей хватке.

Я с грохотом скользнул за край, доспех оставил искрящийся след на стали. Подойдя вниз тянулись отвесные стены цитадели, двести метров пустоты над грудой пылающих почти на уровне земли строений.

В эту долю секунды, зависнув над падающими ржавыми обломками и почти сорвавшись вниз, я увидел приближающуюся ко мне смерть.

Затем мою кисть обхватила рука, потянув обратно, подальше от осыпающегося края. Мое заключенное в броню тело поднялось обратно на платформу так, словно ничего не весило.

После этого я — дезориентированный и с затуманенным взором — уставился в паре глубокопосаженных сверкающих глаз

на иссеченном шрамами стуглом лице.
Долю секунды я смотрел в эти глаза,
оцепенев от шока.

Затем через меня перескочило
огромное тело, сопровождаемое хлопком
плаща на меху и звуком сапог, решительно
шагающих в бой.

Даже тогда мой разум не смог
осознать, что произошло. Какой-то миг я
не понимал, кого вижу перед собой.

Затем зрение прояснилось, чувства
вернулись. Я поднял голову, остелившись
поверить, и увидел наконец своего
спасителя.

Я не знал, как он попал на платформу
незамеченным и как долго он сражался
здесь. Возможно, его прибытие утаили
шум и ярость битвы, или, может быть, он
мог каким-то образом скрыть свое
присутствие.

Никто не смог сказать мне, где он
был в ходе штурма и как сумел вступить
в бой именно в этот момент, без
предупреждения и уведомления.

Я не знал, сделал ли он это
умышленно, чтобы добавить

неопределенности ходу битвы или этому
суждено было случиться.

Все это не имело значения. Казан,
Великий Хан, совершенный воин, приарх
V Легиона, наконец появился.

Он был на Чондаксе, прямо передо
мной.

Он был здесь.

Моим первым порывом было
подняться и броситься в битву подле него,
присоединить свою глефу к его мечу.

И тут же понял бессмысленность
своего желания. Он прибыл со своим
кешиком, отрядом гигантов в
терминаторских доспехах белого цвета. И
даже они не встали между Ханом и его
добычей, отступив к краю платформы.
Молчаливые и громадные воины
гарантировали, что никто --- ни
зеленокожие, ни Белые Шрамы --- не
вмешаются. Под нами не стихала битва,
но на площадке под сенью огромной,
разбитой головы чужого сражались только
двое воинов.

Он был высоким и сухощавым, даже в
своем доспехе цвета слоновой кости. С

плеч свисал тяжелый багровый плащ на
пятнистом меху ирмиема, закрывая
великолепные позолоченные изгибы
кератитовых пластин. Он сражался саблей
дао с отполированным до зеркального
блеска лезвием, которое сверкало в лучах
солнца. На золотых наплечниках были
выгравированы плавные буквы хорчина и
символ молнии. К поясу прикреплены два
кремневых ружья — древних и дорогих,
усыпанных желчугом и носящих
гильдейские метки давно умерших
создателей.

На Улланоре я видел его в бою
издалека и восхищался страшным
опустошением, устроенным им на
переполненных полях тотальной войны. На
Чондаксе я увидел его сражающимся
вблизи, и это зрелище потрясло меня.

Ни до, ни после я больше не видел
равного фехтовального мастерства. Мне
никогда не доводилось наблюдать за
подобным равновесием, контролируемой
свирепостью, неумолимым и
безжалостным искусством. Когда Хан
вращал клинок, его окружало сияние

отраженного от позолоченного господства
солнечного света. В его искусстве, помимо
жестокости и легкого оттенка
аристократического презрения,
присутствовала также величественность.
Он управлял своим клинком, словно тот
был живым существом, духом, который он
приручил, а теперь заставлял плясать.

Есүгэй сказал, что только поэты
могут быть истинными воинами. В тот
момент я понял смысл этой фразы.
Великий Хан овладел страшной и
безжалостной сутью искусства боя. Ни
одно движение не было лишним и
бесполезным — каждый удар ровно
настолько смертоносен, насколько
необходимо и не более.

Он отбрасывал безумного зверя назад,
шаг за шагом, заставляя его отступать к
дальнему концу платформы. Орк злился и
неистово рычал от ярости и боли. Он
безумно размахивал перчатками, надеясь
скинуть притарха с платформы
молоточными, костоломными взмахами, как
проделал это с нами.

Хан не отставал ни на шаг от

зеленокожего, плащ кружился, когда он бросался то вперед, то назад, нанося колющие и рубящие удары. Примарх длинным изогнутым лезвием рассекал примитивную броню твари и наносил глубокие раны мерзкой плоти. Целые секции защитного поля отключились, перегрузив генераторы на спине орка и вызвав взрывы заткнувшей проводки.

Орк попытался впечатать примарха в пол могучим ударом. Хан увернулся и нанес нисходящий удар саблей. Отсеченный кулак в перчатке лязгнул о металл в брызгах хлещущей крови.

Чудовище заревело, глаза были безумными, а в открытой пасти пузырилась пена. Другой кулак ударил так же быстро, как и в том случае, когда свалил меня. К тому времени Хан уже пришел в движение, развернувшись на одной ноге и выбросив клинок навстречу приближающемуся удару.

Перчатка врезалась в гао, и я почувствовал, как платформа содрогнулась от удара. Хан не отступал, удерживая гао двумя руками, и железный

күлак орка треснул, обнажив
кровооточащие, толстые когти,
исполосованные кабелями и ржавыми
поршнями.

Теперь зеленокожий остался без
оружия. Он отшатнулся под натиском
противника, его вопли становились тише
и отчаяннее.

Хан последовал за ним, не прекращая
атаковать с холодной свирепостью. Его
клинок сверкнул, срезав потный кусок
жирного тела твари, затем обратным
движением оставил глинный порез на
груди. Пластины брони лопнули и
посыпались с вздымающихся плеч в лужу
пузырящейся крови у ног орка.

Конец наступил быстро. Зверь
зашатался, из живота лилась кровь, а
челюсть отвисла. Зеленокожий устоял
на своего убийцу, в крошечных глазках
стояли слезы, а грудь тряслась.

Хан высоко поднял обеими руками
дао, крепко стоя на ногах.

Зеленокожий не пошевелился, чтобы
защитить себя. Его израненное лицо
превратилось в жалкое, плачущее месиво.

отмеченное презренным отчаянием и потрясением. Орк знал, что погибает и что все кончено.

Я не хотел смотреть на него. Это был постыдный конец для того, кто сражался так стойко и долго.

Затем меч со свистом опустился и вошел в тело, оставляя за собой кровавые полосы. Голова зверя упала на платформу с глухим гудким стуком.

Хан спокойным движением отвел клинок. На миг примарх застыл над побежденным военачальником орков, нагненно глядя на него. Его плащ развевался в задымленном воздухе.

Затем Хан наклонился и подобрал голову зверя. Он плавно повернулся и высоко поднял череп. Из разрубленной шеи кровь густым потоком хлестала на металлический пол.

— За Императора! — закричал Хан, и его голос разнесся по впадине и поднялся высоко в небо.

С нижних уровней, где все еще кипел бой, раздалась многочисленные приветственные вопли, заглушив

животный рев уцелевших орков, треск и гул пламени.

Я слышал, как они ответили ему, сотрясая воздух одним и тем же словом снова и снова.

Казан! Казан! Казан!

В этот миг я понял, что мы наконец победили. Долгие годы непрерывных боев закончились.

Война на Чондаксе завершилась так, как и должна была: головой поверженного врага в руке нашего примарха и криками его Легиона, орду Чогориса, поднимающимися в дикой радости к небосводу.

Я присоединился к ним, выкрикивая его имя и сжатая кулаки в эйфории.

Я был рад нашей победе, тому, что белый мир наконец очищен, а крестовый поход направится дальше, сделав еще один шаг на пути к галактической гегемонии.

Но не это было главной причиной моего пыла. Я увидел в деле ужасающую мощь Великого Хана — зрелище, которого я так долго желал.

И не разочаровался.

Я увидел совершенство, поэзию истребления, образец нашего воинского племени во всем блеске непревзойденного величия.

Мой восторг был абсолютным.

Я встретился с Торгуном на Чонгаксе еще раз.

На полный захват цитадели ушло много часов. Зеленокожие, следуя своей природе, не прекращали биться. К тому времени как последний из них был выслежен и убит, крепость начала разрушаться, уничтожаемая взрывами снизу и бьющими пожарами сверху, и мы были вынуждены покинуть ее.

Я отвел остатки своего братства на равнину к входу в долину. Нам предстояло много дел: нужно было подсчитать убитых, отправить Сангжая к тем ранеными, которые могли выжить, эвакуировать то, что было можно из парка поврежденных машин для дальнейшей перевозки.

Я полню то время только обрывками. Мои мысли были заняты образами Хана, приводя меня в ступор.

Даже работая, я не мог выбросить из головы увиденную схватку. Я снова и снова повторял сделанные им движения клинком, прокручивая их в голове и твердо решив освоить те, что смогу, как только вернусь в тренировочные клетки.

Посреди всего этого разрушения --- пылающих и дымящихся руин крепости --- все, что я видел --- это сверкающий в лучах солнца изогнутый дао, плавнодвигающийся пог плащом позолоченный доспех, похожие на алмазы глаза, на краткий миг заглянувшие в мои.

Я никогда не забуду это. Невозможно забыть ярость живых богов.

Около дюжины наших братств сделали то же, что и мы --- перегруппировались после битвы. Как только основная часть моего братства была отведена, я отправился искать Торгуна. Полагая, что его минган быстро покинет ущелья, я не хотел уходить, не проявив приличествующую вежливость.

Когда я нашел его, то обнаружил, что его братство оказалось в лучшем состоянии, чем мое. Позже я узнал, что

они сражались с честью, захватив и уничтожив множество оружийных установок на стенах. Их действия позволили многим отделениям прорваться через периметр без тех потерь, что понесли мы.

Торгун хорошо справился и укрепил свою репутацию отличным и умелым командованием. Но несмотря на это, я все же немного жалел его. Он не увидел того, что удалось мне, и покинет Чонгакс, заметив только слабый отблеск славы.

— Он говорил с тобой? — спросил Торгун, проявив больше заинтересованности, чем я ожидал.

Из-за треснувших и ставших бесполезными линз он снял шлем, но в остальном хан выглядел почти невредимым.

— Да, — ответил я.

Я был в гораздо худшем состоянии. Боевой доспех усеял вмятины, трещины и борозды. Горжет раскололся в месте удара перчатки зверя, а большая часть сенсоров не работала. Флотские оружейные мастерские будут заняты нашим боевым

снаряжением ни один месяц, прежде чем мы снова будем готовы к развертыванию.

--- Что он сказал? --- спросил Торгун, требуя от меня ответа.

Я помнил каждое слово.

--- Он похвалил нас за расторопность, --- ответил я. --- Сказал, что не ожидал прийти вторым к вершине и что мы гордость Легиона.

Я помнил, как он подошел ко мне после убийства зверя, терпеливо наблюдая, как я с трудом склоняюсь перед ним. Его доспех был неповрежден --- зеленокожий даже не поцарапал его.

--- Тем не менее он сказал, что дело не только в скорости, --- продолжил я, --- что мы не берсеркеры, как волки Фенриса, и не можем забывать, что помимо разрушения у нас есть иные задачи.

Торгун заразительно застeyaлся, и я присоединился к нему, вспомнив слова притарха.

--- В конечном итоге его совет был схож с твоим, --- признался я.

--- Рад слышать это, --- ответил Торгун.

Я оглядел широкую долину, к которой уже спускались орбитальные транспортники, готовые начать долгий процесс пополнения запасов и перевооружения. Для поддержки воинов Легиона на планету начали высаживаться смертные ауксилиарии, ковылявшие в неуклюжих защитных костюмах.

Я увидел среди них сеговластую женщину-чиновника в прозрачном шлеме. Похоже, она командовала остальными, хотя не была похожа на чогорисийку, скорее на терранку. Я задумался над тем, что она делала здесь.

— И куда ты теперь отправишься? — спросил Торгун.

Я пожал плечами, повернувшись к нему.

— Не знаю. Мы ждем приказов. А ты?

Торгун как-то странно посмотрел на меня, словно пытаясь решить: делиться ли со мной чем-то важным. Я вспомнил, как он выглядел во время нашей первой беседы, стараясь объяснить название и обычаи своего братства. В этот раз было почти то же самое.

— Не могу сказать, — все, что он поведал мне.

Ответ был странным, но я не стал давить. Я не придавал ему особого значения, так как оперативные приказы часто были секретными, и у Торгуна было право не делиться делами своего братства.

Так или иначе, у меня были свои секреты. Я не рассказал Торгуну, что еще сделал Хан. После нашей краткой беседы повелитель быстро отвернулся от меня, озадаченный приближением одного из своих кешиков.

Я мог вспомнить каждое слово этого разговора, каждый жест.

— Сообщение, Каган, — обратился его телохранитель в доспехе терминатора.

— От магистра войны?

Кешик покачал головой.

— Не от него. О нет.

— Что в сообщении?

Последовала неловкая пауза.

— Думаю, мой повелитель, вы захотите прослушать его на флагмане.

После этих слов я увидел на лице Хана выражение, которого совсем не

ожигал. В его горделивых, уверенных, величественных чертах я разглядел ужасную тень сомнения. На мгновение, всего одно мгновение, я заметил неуверенность, словно невероятным образом в мысли притарха ворвался какой-то давно забытый кошмарный сон.

Я никогда не забуду этот взгляд, отпечатавшийся на долю секунды на лице воина. Невозможно забыть сомнения богов.

Затем он ушел, отправившись за новостями, требующими его внимания. Я остался на платформе в окружении тех воинов моего братства, которые пережили решающий штурм, размышляя, какие новости могли вызвать столь стремительный уход.

В тот момент это обеспокоило меня. Но встретившись с Торгунот, после того как вражеская крепость была разрушена, а я снова оказался посреди мощи нашего Легиона, мне оказалось сложно припомнить те эмоции.

Мы победили, как и во всех прежних битвах. У меня не было причины полагать, что так будет не всегда.

--- Ты был прав, --- сказал я. --- Твои слова были верными.

Торгун удивился.

--- Ты о чем?

--- Мы должны учиться у других, --- сказал я. --- Я могу научиться у тебя. Эта война меняется, и нам нужно реагировать. В ущельях я плохо защищался. Придет день, когда нам придется овладеть этими навыками, не ограничиваться только охотой.

Я не знал, почему сказал все это. Возможно, мучившее меня воспоминание о внезапной тревоге Хана подточило мою уверенность.

В этот раз Торгун не застеснялся. Думаю, мы оба слишком хорошо изучили друг друга.

--- Нет, не думаю, что тебе следует измениться, Шибан-хан, --- сказал он. --- Думаю, ты должен оставаться самим собой: безрассудным и спонтанным.

Он улыбнулся.

--- Думаю, ты должен стесняться, убивая.

Я последовал его совету: убивая.

стеялся. Легяной ветер трепал мои волосы, и я чувствовал горячую кровь на своей коже. Я мчался далеко и быстро, подстегивая своих братьев, чтобы они не отставали. Я был подобен беркуту, охотничьему орлу, свободному от пут, парящему в восходящем потоке высоко над горизонтом.

Вот кем мы были тогда — Минган Касурга, Братством Бүри.

Это было наше имя, которое отличало нас от других.

В узком кругу нас называли «стеющимися убийцами».

Для остальной галактики мы все еще оставались неизвестными.

Это изменится. Вскоре после Чондакса мы с головой уйдем в дела Империи, втянутые в войну, истоки которой упустили, а о причинах которой ничего не знали. Силы, которые едва замечали наше существование, вдруг вспомнят о нас, а наша верность станет важна для богов и смертных.

История этой войны еще не написана. Я смотрю на звезды и готовлюсь к

пламени, которое мы обрушил на них, не зная, куда приведет нас судьба. Возможно, это усилие станет самым могучим из предпринятых нами, нашим последним испытанием перед вступлением в права владык.

Если я честен с собой, тогда мне трудно поверить в это. Для меня более заманчиво считать, что нечто ужасное не произошло, что политически методы действий и стратегии древних мыслителей не сработали, а наши мечты висят над бездной на шелковой нити.

Если это так, тогда мы будем сражаться до последнего, испытывая нашу отвагу и делая то, для чего были рождены. Я не радуюсь этому. И не буду стесаться, убивая тех, кого всегда любил, как братьев. Эта война будет другой. Она изменит нас, возможно, таким способом, о котором мы даже не догадывались.

Перед лицом грядущего я нахожу некоторое утешение в прошлом. Я полностью наш путь войны: безрассудный, энергичный, импульсивный. Из всех миров, на которых мы жили, я буду помнить Чондакс с

наибольшей любовью. Я никогда не смогу ненавидеть этот мир, неважно сколько крови он нам стоил. Там я в последний раз охотился прирожденным способом --- неограниченный и свободный, как сокол в крутом пике.

Прежде всего ничто не сравнится с воспоминанием о той последней дуэли. Если я доживу, чтобы увидеть гибель сущего, увидеть разрушенные стены Императорского дворца и охваченные огнем равнины Чогориса, я все равно буду повторять то, как он бился. Это совершенство застыло во времени, и никакая злая сила никогда не сможет затмить произошедшее там, перед моими глазами на вершине последнего шпиля белого мира.

Если бы со мной был Есүгэй, он бы нашел нужные слова. Я больше не уверен, что у меня есть дар к этому. Но если понадобится, я скажу эти слова.

Было время --- короткий промежуток --- когда люди остелились бросить вызов небесам и возложить на свои плечи мантию богов. Возможно, мы зашли

слишком далеко и слишком быстро, и наше
высокомерие все же обрекло всех нас. Но мы
отважились, увидели добычу и потянулись,
чтобы схватить ее. На краткий миг,
малейший фрагмент времени посреди
необъятности вечности мы тельком
увидели, кем могли стать. Я увидел один
такой миг.

Поэтому мы были правы
попытавшись. Он показал нам, скорее
поступками, чем словами, кем он был.

Именно по этой причине я никогда не
буду жалеть о нашем выборе. Когда время
настанет, я выступлю против темнеющих
небес, держа его пример перед глазами,
черпая из него силу, используя, чтобы
стать таким же смертоносным и
могущественным, как он. И когда смерть
наконец придет за мной, я встречу ее
должным образом: с клинком в руках,
прищуренными взором и словами воина на
устах.

— За Императора, — скажу я,
призывая судьбу. — За Хана.